

БОРИС ЗАЙЦЕВ НА АФОН

Борис Зайцев

На Афон

«Public Domain»

Зайцев Б. К.

На Афон / Б. К. Зайцев — «Public Domain»,

ISBN 978-5-91674-230-5

В книге собрано почти всё, написанное Б. К. Зайцевым в связи с его пребыванием в Греческой республике и на Святой Горе в апреле-июне 1927 г. Путевые очерки «Афон» воспроизводятся с учетом всех трех авторских редакций текста, впервые публикуются две тетради дневниковых записей и множество зарисовок автора. Фотографии посетившего Афон в 1928 и 1930 гг. швейцарца Фредерика Буассона позволяют читателю увидеть малодоступный мир Святой Горы таким, каким застал его Б. К. Зайцев. В приложении помещены очерки видных деятелей Русской Зарубежной Церкви из довоенных номеров газеты «Православная Русь».

ISBN 978-5-91674-230-5

© Зайцев Б. К.
© Public Domain

Содержание

Афонские дневники и странствие Бориса Константиновича Зайцева (апрель – июнь 1927 года)	5
Источники публикации	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Борис Зайцев На Афоне

Афонские дневники и странствие Бориса Константиновича Зайцева (апрель – июнь 1927 года)

Немногочисленные русские обители, располагавшиеся в пределах прежних русских губерний и чудом уцелевшие после катастрофы 1917 года, в течение десятилетий оставались средоточием русской церковной жизни в свободном мире. В различных государствах возникали и новые русские монастыри, часто очень недолговечные. Можно назвать лишь два монастыря, созданных русскими беженцами в межвоенные годы и оставивших значительный след в истории русского православия и отечественной культуры, – Иноческое типографское братство в селении Ладомирова в Чехословацкой, затем – в Словацкой республиках и Богородице-Казанский мужской монастырь в Харбине, на территории Великой Маньчжурской империи.

Прежние же – знаменитая Успенская Почаевская Лавра, Мелецкий и другие монастыри в Республике Польша, Валаамский, Коневецкий, Трифоно-Печенгский и Линтульский монастыри в Финляндской республике, Печерский и Пюхтицкий монастыри в Эстонской республике, Свято-Духов монастырь в Литовской республике и многочисленные обители в Бессарабии – не имели в эти годы возможности активно окормлять русских изгнанников как в силу оскудения людьми, так и по причине политических обстоятельств и своей географической отдаленности от основных центров расселения русских беженцев.

Целое русское государство, раскинувшееся вдоль линий Китайской Восточной Железной Дороги, служащие которой, жившие в полосе отчуждения, не подпадали под действие местного законодательства и полностью сохраняли традиционный уклад жизни, существовало достаточно обособленно от европейских центров русского рассеяния. Русские владения в Святой Земле оставались в управлении Императорского Православного Палестинского Общества, формально подконтрольного архиерейскому синоду Русской православной церкви за границей, а русские обители на Афоне, защищенные принадлежностью к Вселенскому Патриархату, продолжали свое традиционное существование, лишившись, впрочем, всяческой помощи из России, ибо их имения и иная собственность там оказались конфискованы в пользу большевистского государства. При этом Афонские русские обители оставались наименее труднодоступными для посещения русскими беженцами, поскольку греческое правительство ограничивало их паломнические поездки не столь усердно, как делали это вчерашние подданные Русской Короны в прежних Царстве Польском, Великом Княжестве Финляндском и прибалтийских губерниях.

Сам Борис Константинович Зайцев единственным поводом к посещению Святой Горы неоднократно называл встречу с приехавшим с Афона и уже знакомым ему по литературному творчеству князем Димитрием Алексеевичем Шаховским:

«Года три тому назад встретил я в Париже молодого иеромонаха, которого знал еще в миру. Он побывал на Афоне, под влиянием посещения и принял монашество. Как раз перед встречей с ним, я от нескольких лиц слышал об Афоне. Захотелось расспросить и у него.

Он улыбнулся, слегка застенчиво.

– Я страшно занят, и через три дня уезжаю в Югославию.

– Ну, а все-таки.

Он несколько задумался.

– Вот разве послезавтра, перед литургией, только это рано... встанете ли вы? надо быть уже в половине восьмого у нас...

Я не люблю рано вставать. Но тут сразу согласился.

И в условленный час – парижским зимним утром, сине-туманным, шел узким проходом Сергиева Подворья, мимо образа преп. Сергия в аудиторию под церковью. Иеромонах встретил меня там.

Мы сидели на студенческой парте в полутемной аудитории, уединенно и негромко беседовали, т. е. говорил он, а я слушал. Разговор длился не более получаса – до звонка к литургии. Но какие-то слова, те самые, сказаны были.

Через месяц получил я греческую визу, а в конце апреля плыл уже на восток, „по хребтам беспредельно-пустынного моря“¹.

Князь Д. А. Шаховской прибыл на Св. Гору 3 (16) июля 1926 г. и остановился в Пантелеимоновом монастыре². Судя по его письму матери, уже 17 (30) июля игумен Мисаил согласился его постричь, отложив утверждение этого своего решения до получения согласия еп. Вениамина (Федченкова)³, бывшего духовником молодого князя. «За эти две недели, что я тут, – ходил в Карею, выправлять паспорт. Из Карееи прошел в недалеко оттуда лежащий Андреевский скит, оттуда несколько келий навестил, в частности – келью схимника Вениамина, пустытника, к которому мне дал письмо о. Алексей; потом побывал, в сопровождении о. Вениамина, в Ильинском скиту, который хотя и не так велик, как Андреевский, но тоже скорее похож на монастырь, чем на скит. В общем – посетил уже русский Афон. В греческих монастырях еще нигде не был, – скоро пойду и к их святыням»⁴. 23 августа ст. ст. «в 3⁵/₂ часа ночи, в одном из малых Афонских храмов, храме Введения Пресвятой Богородицы во Храм, был пострижен в первый иноческий чин, и наречен Иоанном – (память: 26-го сентября). Постригал отец архимандрит Кирик, одежду благословил Игумен – отец Мисаил»⁶, а уже в среду 22 сентября н. ст., проделав путь пароходом из Пирея в Марсель и поездом до Парижа, новопостриженный инок Иоанн прибыл на Сергиево Подворье и в тот же день отправился в Канн вместе с еп. Вениамином, намереваясь возвратиться на Подворье к началу занятий, то есть к 15 октября⁷. В субботу 4 декабря н. ст. 1926 г. митрополит Евлогий (Георгиевский) постриг монаха Иоанна в мантию⁸, а 2 (15) декабря он был рукоположен митрополитом Евлогием во иеродиакона в соборе св. Александра Невского на ул. Dauphine⁹. Этим двухмесячным пребыванием и ограничивался афонский опыт человека, столь очаровавшего Зайцева своим рассказом о Святой Горе.

Организация этой поездки потребовала, по собственному признанию Зайцева, не собственных ему усилий, поскольку для семьи, ежемесячный бюджет которой немногим превы-

¹ Зайцев Б. К. Вновь об Афоне // *Возрождение*, № 1655, 13 декабря 1929 г., с. 3. В записной книжке «На Афон» сохранился листок с перечнем изданий, просмотренных Зайцевым при подготовке текста книги. По-видимому, книги эти были разысканы им в библиотеке Пантелеимонова монастыря.

² Письмо матери от 3 (16) июля 1926 // *Шаховской, архиеп. Иоанн*. Биография юности. Установление единства. П.: YMCA-PRESS, Б.г. С. 110.

³ Письмо матери от 17 июля 1926 // Там же. С. 111–112.

⁴ Там же. С. 112.

⁵ Там же. С. 112.

⁶ Письмо матери от 24 августа ст. ст. 1926 // *Шаховской, архиеп. Иоанн*. Биография юности... С. 115.

⁷ Письмо матери от 24 сентября н. ст. 1926 // Там же. С. 116–117.

⁸ Письмо матери от 2 декабря н. ст. 1926 // Там же. С. 118.

⁹ Письмо матери от 3 декабря ст. ст. 1926 // Там же. С. 119.

шал две тысячи французских франков, расходы требовались действительно значительные: «я, не имея ни копейки денег и не отличаясь, вообще, расторопностью, вдруг проявил энергию и выпросил у „Последних Новостей“ аванс в 5000 фр. на поездку. [Мне их не хватило, назад возвращался в трюме какого-то cargo греческого. Вера с Наташей сидели тоже без гроша, но все обошлось благополучно. Значит, была на все это не одна наша воля]». Зайцев не получал фиксированного жалованья в каком-либо из периодических изданий эмиграции, и его доходы складывались из гонораров от напечатанного в «Последних новостях» и небольшой суммы, доставлявшейся ему в числе некоторых избранных русских литераторов-эмигрантов правительством Чехословацкой республики. Позже, после писательского съезда в 1928 году в Белграде, подобное пособие начало выплачивать правительство Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев¹⁰.

¹⁰ Н. Н. Берберова называет восемь человек из числа получавших денежное пособие – Мережковский, Гиппиус, Бунин, Ремизов, Зайцев, Тэффи, Куприн и Шмелев: «Мне известны 8 человек в Париже, которые получали его, но я полагаю, что немало людей в самом Белграде, а также вероятно в Праге, стояли в списке. Пособие составляло приблизительно 300 франков в месяц на человека. Другая сумма, тоже около 300 франков, приходила тем же лицам из Праги, из собственных фондов президента Масарика. На 600 франков в Париже в те годы прожить было нельзя, но они могли покрыть расходы по квартире, на электричество, газ, метро. Этого было немного, но это было хоть что-то. Сербская субсидия, насколько я помню, кончилась после 1934 г., чешская продолжалась до 1937 г.» (Берберова Н. Н. О переиздании политических дневников З. Н. Гиппиус // RUSICA-81. Литературный сборник. N.Y., 1982. С. 215–216).

Митрополит Евлогий. 1928 г.

Группа русских литераторов после приема королем Югославии Александром I. Белград, октябрь 1928 г. Слева направо: В первом ряду: М. Н. Могиланский,?, А. И. Ксюнин. Вас. В. Немирович-Данченко. Б. К. Зайцев. Во втором ряду: Жуков,? В. Ф. Зеелер, А. А. Боголепов.

Дочь писателя, Ната лья Борисовна Зайцева-Соллогуб называла нам иную, по ее мнению главную, причину столь необычного путешествия. За год до поездки на Святую Гору Борис Константинович близко подружился с жившей в Шавиле супругой генерал-майора Корпуса жандармов А. И. Спиридовича¹¹ Маргаритой Александровной, встречи с которой быстро привели к взаимной симпатии и стали практически ежедневными. По словам Натальи Борисовны, Вера Алексеевна Зайцева тяжело переживала сложившуюся ситуацию. В это время Борис Константинович написал, возможно, самый изящный из созданных им текстов – эссе «Моя жизнь и Диана», посвященный столь частым свиданиям с Маргаритой Спиридович. Этот текст был передан Зайцевым в редакцию «Последних новостей» накануне отъезда в Грецию и появился в газете под заголовком «Диана» во время его пребывания на Афоне¹².

¹¹ Н. Н. Берберова называет восемь человек из числа получавших денежное пособие – Мережковский, Гиппиус, Бунин, Ремизов, Зайцев, Тэффи, Куприн и Шмелев: «Мне известны 8 человек в Париже, которые получали его, но я полагаю, что немало людей в самом Белграде, а также вероятно в Праге, стояли в списке. Пособие составляло приблизительно 300 франков в месяц на человека. Другая сумма, тоже около 300 франков, приходила тем же лицам из Праги, из собственных фондов президента Масарика. На 600 франков в Париже в те годы прожить было нельзя, но они могли покрыть расходы по квартире, на электричество, газ, метро. Этого было немного, но это было хоть что-то. Сербская субсидия, насколько я помню, кончилась после 1934 г., чешская продолжалась до 1937 г.» (Берберова Н. Н. О переиздании политических дневников З. Н. Гиппиус // RUSICA-81. Литературный сборник. N.Y., 1982. С. 215–216).

¹² Зайцев Б. Диана // Последние новости, № 2216, 17 апреля 1927, с. 2–3. Зайцев продолжал встречаться с Маргаритой Спиридович и по возвращении со Святой Горы. Известны несколько ее записок 1929 года к Зайцеву (РГАЛИ. Ф. 1623 Б. К. Зайцева. Оп. 1. Ед. хр. 21).

Наталия Борисовна полагала, что, не имея близких друзей и не решаясь обратиться за советом к кому-либо из знакомых ему лиц духовного звания, Борис Константинович направился на Святую Гору не за литературными впечатлениями, а именно в надежде разрешить эту тяжелую неопределенность¹³.

Публикуемые две тетради путевых записей, сделанные в дни поездки по Греции, и письма, посланные Борисом Константиновичем жене и дочери, позволяют достаточно подробно реконструировать маршрут его странствия:

29 апреля 1927 г. автор выехал из Парижа в Марсель¹⁴.

30 апреля выехал из Марселя и прибыл в Пирей 4 мая. 4–10 мая находился в Афинах.

10 мая выехал из Афин в Салоники, куда прибыл в 6 часов утра 11 мая.

12 мая (н. с.) 1927 года, утром, прибыл в Афонский порт Дафни, где его встречал монах Петр. За два с половиной часа, миновав монастырь Ксиропотам, верхом спустился в Карею, где ему отвели комнату в кунаке Пантелеимонова монастыря. Здесь случились его первые афонские знакомства с оо. Миной и Иваном. Последний повел его в полицию для получения свидетельства на пребывание на Св. Горе. Позже о. Мина сопровождал писателя в Протат, где было получено разрешение на посещение обителей и занятия в библиотеках. К вечеру Зайцев добрался до Андреевского скита, где и заночевал.

13 мая, осмотрев скит и Собор, в сопровождении монаха Харалампия направился в Карею, где осматривал сам городок и Собор, уделив особенное внимание фрескам М. Панселина. В 2 часа дня с о. Стратоником вышел из Кареи, вместе они добрались до железного креста, откуда Зайцев продолжал путешествие самостоятельно. Сбившись с пути у Нагорного Руссика, он пришел в Пантелеимонов монастырь только к 5 часам вечера.

14–16 мая находился в Пантелеимоновом монастыре, знакомясь с братией, занимаясь в библиотеке при содействии библиотекаря иеромонаха Иосифа и готовясь к исповеди у духовника о. Кирика. 15 мая познакомился с о. Софронием (Сахаровым). 17 мая в 7 часов утра вместе с иеромонахом Пинуфрием (Ерофеевым), иеромонахом Василием (Кривошеиным) и немецким туристом вышли на лодке в монастырь Григориат, где посетили Собор Св. Николая. Затем направились в Карулю, где общались с пустынником иеросхимонахом Феодосием (Василием Матвеевичем Харитоновым, 1869–1937). После поднялись в горы, ночевали в келлии св. Георгия.

¹³ 16 мая 1927 г. Зайцев писал жене с Афона: «Сегодня днем я исповедовался у архим. [андрита] Кирика, он меня совсем очаровал своей добротой и простотой. Он мне сказал, между прочим, что видит меня в перв.[ый] раз, а в духе любит уже меня, как сына. Будет писать тебе, и вообще он очень большое значение тебе придает в моей жизни – и тоже, ведь, в глаза не видал!»

¹⁴ «Главное событие – это то, что папа уехал в Грецию, было ужасно грустно, когда он уезжал 29-го апреля, в пятницу, ровно 2 н.[едели] тому назад», – записала На таша Зайцева в своем дневнике 13 мая 1927 года (Дневник Н. Б. Зайцевой. Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

Париж. 1926 г.

18 мая направились пешком в Лавру св. Афанасия. Осмотрев ее, выехали на лаврской лодке в Иверон, где Зайцев особо хотел поклониться чудотворному Иверскому образу Богородицы, который очень почитал еще со времени жизни в Москве. В лодке отправились затем в монастырь Пантократор, где ночевали.

19 мая, осмотрев с утра Собор и библиотеку Пантократора, отправились на лодке в монастырь Ватопед. Прошли на лодке келию св. Артемия и Воздвижения Креста, монастырь Каракалл, особенно отметил Зайцев Пирг монастыря Каракалл, Милопотам – дачу Лавры.

20 мая. О событиях этого дня записи отсутствуют.

21 мая вернулись в Пантелеимонов монастырь, где Зайцев оставался до 23 мая, занимаясь в библиотеке.

23 мая вместе с о. Виссарионом отправился в Новую Фиваиду, миновав на лодке монастыри Ксеноф и Дохиар. Посетили пустыньку о. Игнатия. Ночь провели на фондарики Фиваиды.

Сидят (слева направо): архимандрит Кирик, архимандрит Тихон (Троицкий). Стоят: монах Василий (Кривошеин), Димитрий Шаховской, монах Софроний (Сахаров). В Свято-Пантелеимоновом монастыре. 1926 г.

24 мая вместе с монахом Петром поднялись на гору в пустыньку о. Нила, затем были в пустыньке о. Ильи, из-за непогоды вновь ночевали, вернувшись на фондарики Новой Фиваиды.

25 мая после обеда отправились на лодке обратно и три с половиной часа спустя были в Пантелеимоновом монастыре.

26 мая работал в библиотеке Пантелеимонова монастыря, фотографировался с о. Пинуфрием (Ерофеевым) у монастырского фотографа о. Наума. Посетил лесопилку, где познакомился с молодым монахом Владимиром, эмигрантом из России. Вечером совершил прогулку в Дафни, беседовал с монахом Иосифом, осматривал помещения монастыря. Составил план будущей книги, посвященной Св. Горе.

27 мая работал в библиотеке, с оо. Виссарионом и Марком осматривал монастырь и монастырскую гробницу.

28 мая работал в библиотеке, беседовал с оо. Софронием (Сахаровым), Иосифом, духовником архим. Кириком (Максимовым), Иосифом – библиотекарем.

29 мая завершил написание трех очерков о морском плавании из Марселя в Пирей и о пребывании в Афинах, вечером уехал с Афона в Салоники.

30 мая – 5 июня находился в Салониках и в Афинах. 5 июня выехал из Греции в Марсель на пароходе.

Газетный репортаж¹⁵ Шарля-Андре Груаса, отправившегося в Грецию в качестве корреспондента газеты «L'Indépendance Belge», сохранил нам имена некоторых спутников Зай-

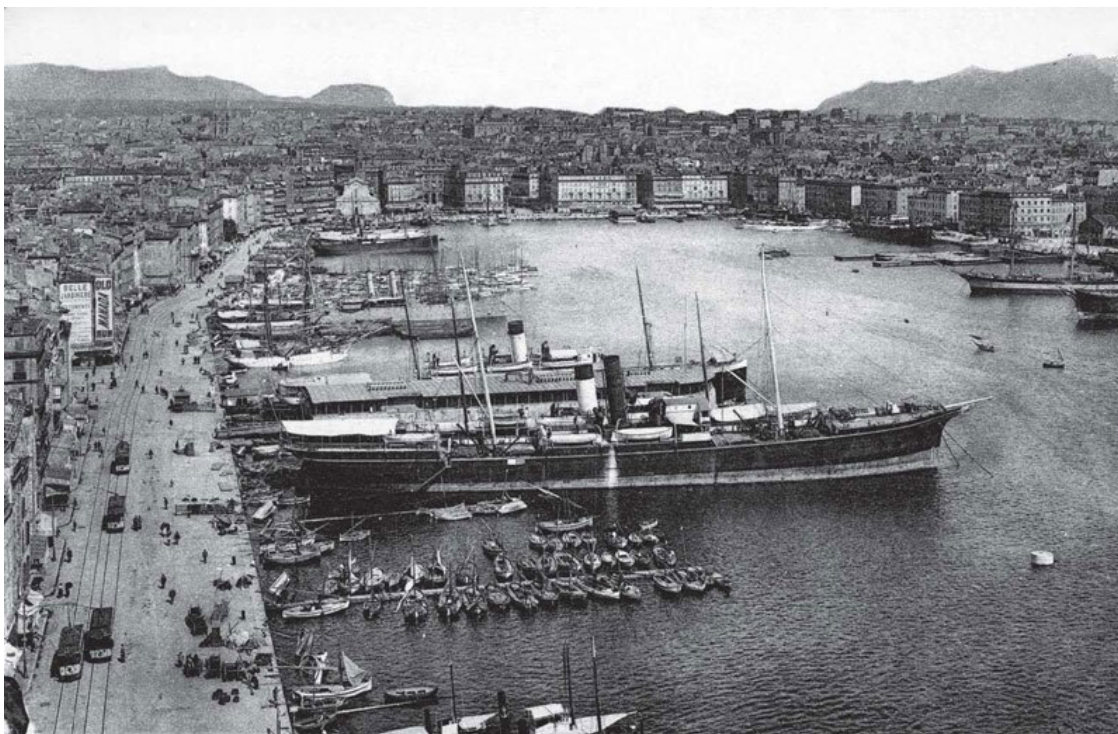
¹⁵ *Crouas Ch. -A. Sur la magie de la mer bleue (De notre envoyé' spe'cial) // L'Indépendance Belge, № 132, jeudi 12 mai 1927, p. 1.*

цева, которых принял на борт в Марселе пароход «Патрис II» греческой судоходной компании. В их числе Габриэль Буасси – знаменитый автор книги «De Sophocle `a Mistral» и автор идеи возжжения вечного огня у могилы неизвестного солдата на площади Звезды в Париже, Марсель Буланже, снискавший громкую славу романом «L'Amazone blessee», еще один популярный автор газеты «L'Inde'pendance Belge» Андре Билли, только что завершивший свою «Историю современной французской литературы», Эжен Марсан, литературный критик «L'Action francaise», автор почти десятка романов и многих сборников литературных и исторических очерков, Марио Мёнье, известнейший переводчик древнегреческих авторов и исследователь их творчества, блестящий хроникер Пьер Плесси, а также голландский археолог Ликуди с женой бельгийкой, какой-то бывший министр в правительстве Е. Венизелоса, несколько англичан и студентов. Можно допустить, что Зайцев ничего не знал о своих известных спутниках, во всяком случае, на страницах его записей и писем сохранилось упоминание лишь о Ш.-А. Груасе.

Архимандрит Кассиан Безобразов, о. Василий Кривошеин и один из немецких исследователей. Фото из книги: «München Athos». München, 1945. S. 231.

Путь в Грецию, пребывание в Афинах и путешествие по Святой Горе нашли отражение в ряде очерков Зайцева. Первые три были написаны в Пантелеимоновом монастыре и посвящены пути на Афон. Первоначально предполагавшаяся посылка записей дорожных впечатлений из Греции в редакцию «Последних новостей» для скорейшего печатания не удалась как из-за затрудненного почтового сообщения со Святой Горой, так и по причине большой загруженности самого путешественника.

Общий вид марсельского порта

Впрочем, в намерении написать книгу о Св. Горе Зайцев утверждает лишь по мере знакомства с афонскими насельниками и обителями: «Вообще же надо сказать, что эта поездка совсем особенная, она как-то не „для удовольствия“, но дает и еще даст оч.[ень] много. Не знаю, как буду писать книжку, это еще неясно, и тоже несколько тревожит. То, что читаю здесь, из библиотеки, очень мало приносит – это все штампы, хотя писано иногда прекрасными людьми», – сообщает он супруге 16 мая. А после исповеди у о. Кирика и задушевной с ним беседы прибавляет вечером того же дня: «Нынче мне кажется, что, м.[ожет] б.[ыть], с Божьей помощью, я и сумею написать об Афоне»¹⁶.

Возможно, именно это письмо уже неделю спустя Вера Алексеевна читает митрополиту Евлогию: «Под Николин день, после всенощной, в Шавиле читала Борино письмо Владыке с Афона, он очень волновался. – Он никогда не был на Афоне [...]», – сообщала она Вере Буниной 11/24 мая 1927 г.

Две недели спустя Зайцев определенно сообщает Вере Алексеевне: «Писать буду об Аф.[оне], кажется, много. Есть о чем. Уже составил прилиз.[ительный] план книжки»¹⁷.

Этот предварительный план описания путешествия по Святой Горе (он несколько отличается от окончательного плана книги «Афон») был составлен, возможно, уже 26 мая:

«Афон.

Встреча.

Что такое Афон?

Мой первый день.

Русский мон.[астырь] св. Пантелеймона.

Люди Афона.

Путешествие – Каруля, Лавра, Иверон, Пантократор, Ватопед.

Жизнь монастыря – русск.[ого] и греческого.

¹⁶ Письмо Б. К. Зайцева В. А. Зайцевой от 16 мая 1927 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

¹⁷ Письмо Б. К. Зайцева В. А. Зайцевой от 29 мая 1927 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

Душевная настроенность.
Святые Афона.
Мученики.
Русские старцы XIX века.
Второе путешествие – еще о послушниках Афона.
Природа и пейзажи Афона.
Искусство на Афоне.
Смысл Афона для мира и смысл мира для Афона»¹⁸.

Краткие выписки из многих исследований по истории Афона, переводы греческих слов и выражений, тщательные записи об особенностях быта и повседневном распорядке жизни¹⁹ русских обитателей сохранились во второй записной книжке «Афон», лишь отчасти заполненной собственно дневниковыми записями, впервые печатаемыми в настоящей книге.

Описанию самого афонского странствия Зайцев посвятил одиннадцать очерков, подготовленных уже в Париже по материалам дневниковых записей, с включением двух историко-агиографических экскурсов, основанных на сведениях, которые были извлечены писателем из книг библиотеки Пантелеимоновой обители.

В составленной из этих одиннадцати очерков книге «Афон» автор не нарушает действительной последовательности своего маршрута, что легко установить при сличении содержания дневниковых записей и глав книги. Восемь лет спустя, работая над описанием другого своего путешествия – в Финляндскую республику и в Спасо-Преображенский монастырь на острове Валаам на Ладожском озере, Зайцев будет допускать некоторые отклонения от действительной последовательности знакомства с островом.

Другим источником к описанию афонского путешествия являются подробнейшие письма Зайцева к супруге и дочери в Париж. Только сопоставление всех этих документов, отчасти известных²⁰, отчасти публикуемых впервые, позволяет, наконец, составить достаточно полную картину событий этого незаурядного для русского беженца странствия, совершенного в тот период истории русского Афона, сведений о котором сохранилось немного...

За четыре года до приезда Зайцева на Святую Гору Пантелеимонова монастыря иеромонах Феодосий Харитонов составил подробнейшую «Историю русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря»²¹, в трех главах которой рассказал обо всех этапах развития русского монашества вплоть до 1923 г., когда его работа и была завершена. Можно предположить, что Зайцев имел возможность ознакомиться с рукописью этого сочинения, хотя письменных свидетельств тому нам встречать не приходилось.

После напечатания книги «Афон», оставшейся, заметим, самым невостребованным из его писаний²², Зайцев много раз возвращался к теме истории и значения Святой Горы для современного мира. Почти все эти материалы собраны в настоящей книге.

Работа над книгой «Афон» велась автором в очень тяжелый для русской церкви период и пришлась на время опубликования печально известной «Декларации» митрополита Сергия (Страгородского), усвоившего себе титул Патриаршего местоблюстителя в Москве. Будучи принципиальным и последовательным сторонником церковной политики митрополита Евло-

¹⁸ Записная книжка «Афон. Дневник». Л. 38.

¹⁹ «День монаха мон.[астыря] св. Пантелеймона. 1 ч. утра – Всенощн.[ая]

²⁰ Фрагменты писем были использованы Зайцевым в публикации «Афонские дни. // (Из заметок)», подготовленной для рижского журнала «Перезвоны» (№ 40,

²¹ Богато иллюстрированный текст опубликован лишь недавно: *Феодосий, иеромонах. История русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря* // К Свету. Альманах. Вып. 18. М., 2000. С. 3–128.

²² Нам удалось просмотреть 27 непереpletенных экземпляров книги «Афон», находящихся в заграничных русских библиотеках или происходящих из ныне не существующих зарубежных русских общественных книжных собраний. 18 экземпляров оказались разрезанными не далее 42 страницы, 6 экземпляров были просмотрены примерно до середины, и лишь в трех случаях книгу разрезали до конца.

гия (Георгиевского), Зайцев, по-видимому, не допускал мысли о возможности подчинения церковной жизни русского рассеяния управлению из гнезда Третьего Интернационала и принял деятельное участие в составлении ответа на требование митрополита Сергия о признании советского государства: «Церковные распри очень расстраивают. Боря был у Владыки (19 челов.[ек] заседали). Это было очень интересно. Как всегда, Владыко прекрасно ответил²³ и поступил, как настоящий христианин»²⁴, – писала Вера Алексеевна Зайцева в Грасс В. Н. Буниной.

Однако современные автору церковные нестроения не отражены на страницах «Афона», и Зайцев чрезвычайно деликатно рассказывает о событиях жизни на Святой Горе, лишь мельком упомянув об истории введения нового календарного стиля в Константинопольском патриархате и неудачной попытке насадить его в афонских обителях. И, хотя сами Борис Константинович и Вера Алексеевна продолжают придерживаться традиционного русского календаря²⁵, события афонского календарного противостояния, столь волнительные для русских и не только русских святогорцев, вовсе не нашли отражения в репортажах, составивших книгу Зайцева, как не упомянут даже и церковный раскол, порожденный календарной реформой в самой Греции. Восемью годами позже, рассказывая о жизни монастыря на о. Валаам, он не станет останавливаться на истории разделения братии на новостильников и старостильников, не дав читателю возможности почувствовать, сколь сильным потрясением стало введение нового календарного стиля для части мирян и духовенства в недавно еще русской Финляндской губернии.

Один из немногочисленных исследователей творчества писателя, внимательно отнесшихся к книге «Афон», разглядел красивый символ уже в первых ее строках: «Б. К. Зайцев подчеркивает одну подробность своего приближения к Афону – своеобразное омовение. Через омовение проходят все ступившие на Святую землю, оно является своеобразным действием, которому подвергается путешественник, находясь у цели своего многотрудного пути. Паломник снимает обувь, и ему омывают ноги, после чего он босым входит в храм: „Над зеленоватым блеском волн взлетает веер брызг, нос «Керкиры» опускается, и меня обдает соленой влагой. Невольно опускаю голову и, когда поднимаю ее, вижу справа, далеко в море, еле выступающую в бледно-сиреновом дыму одинокую гору“»²⁶. Письмо самого автора позволяет установить,

²³ Ответ митрополита Евлогия был тогда же напечатан в «Церковном вестнике за падно-европейской епархии», издание которого было начато 20 июня/3 июля 1927 г. в Париже. См.: Слово Высокопреосвященнейшего Митрополита Евлогия, произнесенное за литургией 4 сентября 1927 г. // Церковный вестник за падно-европейской епархии, № 3, 9/22 сентября 1927 г., с. 6–9.

²⁴ Письмо В. А. Зайцевой к В. Н. Буниной от 11/24 сентября 1927 г. (Частное собрание. Париж). Об этом Зайцев сообщал В. Н. Буниной еще 29 августа 1927 г.: «А сейчас я получил взволновавшую меня пневму: нынче вечером быть у митрополита Евлогия на совещании о церкви. Ты понимаешь, что дело очень серьезное. Я не ждал никак, что меня позовут, в этих делах счи таю себя профаном, и могу только сказать о своих „чувствах“ (они определены, в данном случае, разумеется, „против“ подписки о лояльн.[ости] к Советам). Что-то будет!» (Новый журнал, № 139, 1980, с. 170). Впрочем, как явствует из письма В. А. Зайцевой к В. Н. Буниной от 11/24 марта 1934 г., сама она испытывала известные колебания в отношении к советской церкви: «Что касается общественной жизни, так это церковное разделение. Ты себе представить не можешь, как разгорелись страсти. Я была тоже два раза у Елевферия [т. е. на богослужениях, совершавшихся навещывавшимся в Париж митрополитом Ковенским и Литовским Елевферием (Богоявленским), в 1931 г. назначенным московским Синодом управляющим русскими приходами в Западной Европе, после наложения этим Синодом запрещения на митр. Евлогия, отказавшегося вместе с подчиненным ему духовенством заявить о своей лояльности большевистскому правительству. – А. К.], кот. [орый] приезжал от Сергия, и первое время не знала как быть? Остаться ли у Владыки Евлогия или отколоться и идти в Сергиеву церковь... и осталась у Владыки. Всего не напишешь, мистически мне близка церковь Сергиева, но нет уверенности, что нет нажима из Москвы» (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

²⁵ «Мы празднуем по старому, – писала 1/14 декабря 1927 г. В. А. Зайцева В. Н. Буниной. – Не могу привыкнуть к новому стилю. Скажи Яну, что я была на праздновании дня рождения Государыни Императрицы Марии Федоровны, пели „Боже Царя Храни“ и плакали же мы все. Показывали портреты в волшеб.[ном] фонаре весь царств.[ующий] Дом. Такой день незабываемый, такой подъем был. Очень хорошие воспоминания были о Ней. Не люблю социалистов и демократов» (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

²⁶ Глушкова Н. Б. Дантовский код в «Афоне» Б. К. Зайцева // В поисках гармонии. (О творчестве Б. К. Зайцева). Межвузовский сборник научных трудов. Орел, 1998. С. 65.

что он, хоть и в обратном порядке, рассказывает о действительных событиях первых мгновений встречи с Афоном: «12-го на рассвете, я взшел на палубу парохода „Ке'ркира“ (Корци'ра, по-русски), чтобы взглянуть на приближающийся Афон. Братец²⁷, Татуша, я вдруг увидел гору, едва выступавшую в легком тумане – такой грандиозной силы и величины, и такую островерхую, что в первый момент мне показалось, не облако ли это. Но в следующий – меня обдало брызгами. Я обтерся и продолжал смотреть, в восторге»²⁸. Однако это чуть ли не единственная неточность в изложении последовательности событий путешествия. Далее – почти хроника, строго документальный рассказ о виденном, слышанном, прочувствованном прикоснувшегося к невидимому извне миру Святой Горы.

«Афон» Бориса Зайцева – это своеобразный путеводитель для непосвященного, приоткрывающий двери в мир благожелательной скромности, доверия, спокойствия и любви – всего того, что так часто не ценят, находясь дома, среди близких, и чего так недостает в изгнании.

У читателя действительно не остается сомнения в том, что каждый из спутников автора – лодочник о. Петр, гостинник о. Мина или сопровождающий его в странствии о. Пинуфрий – спокойно и с достоинством продолжает начатое за тысячу лет до них монастырское дело: послушание, пресечь исполнение которого не удалось никакому из внешних потрясений. «На горе Афон земное кончается, начинается вечное, – отмечала Екатерина Таубер. – Давно ушедшие святые подвижники – современники»²⁹.

Тихим, светлым, почти идеальным, хотя и живущим совсем рядом людям затаившейся в святогорской глуши прежней Святой Руси Зайцев резко противопоставляет современную ему Россию красную. На глазах автора Святая Русь в несколько лет обратилась в «сатанинский престол» – это самый устойчивый в творчестве Зайцева образ современной ему советской России, впервые возникший в дневниковых записях цикла «Странник» в связи с увиденным писателем в советском агитационном журнале «Прожектор» фотопортретом африканского «борца за свободу колониальных негров» Люниона, восседающего на древнем троне русских царей³⁰.

Здесь стоит упомянуть, что в 1925 г. Борис Константинович заводит специальную тетрадь, озаглавленную «Остров»³¹. Это тетрадь для вырезок и выписок из газет и журналов, в которую писатель собирает свидетельства о шествии по России нового властителя – современного хама. Здесь и советские дипломаты с лицами закоренелых каторжников, и заселяющие великокняжеские имения беспризорники, и африканец Люнион, и изгоняемые из обителей монахи, и разрушаемый в Москве Страстной монастырь, и многое, многое другое. И это, наряду с Афоном и Валаамом, еще один остров, земля беззакония, страдания и всеобщего одичания: «Если бы пятьдесят лет назад сказали тебе, что твоя родина при твоей жизни не будет уже называться Россией, а СССР, то тебе показалось бы это кошмаром и ты не поверил бы – мало ли что приснится»³². У читающего тексты Зайцева не остается сомнений, что у этой земли нет настоящего и не может быть будущего: «... За время войны и революции [...] самый грозный внутренний опыт был опыт раскрывшейся силы зла. Из-за удобного, мирного „прогресса“ выглянула трагедия. И дикое лицо человека-зверя. Мы его раньше не знали. Им навсегда убито прекраснотушье нашей молодости. Если с ранних лет глубоко было наше отвращение к насилию, крови, казням, то для зрелости выпало жить в кошмаре убийств и казней. Все это обернулось в повседне вность. [...]

²⁷ «Братом» Б. К. Зайцев часто называл свою супругу Веру Алексеевну.

²⁸ Письмо Б. К. Зайцева В. А. Зайцевой от 14 мая 1927 г. // Вестник русского студенческого христианского движения (впоследствии Вестник русского христианского движения); далее – ВРСХД, № 164 (I-1992), с. 196.

²⁹ Таубер Е. В пути находящиеся (О творчестве Бориса Зайцева) // Грани, № 33, 1957, с. 161.

³⁰ Зайцев Б. К. Странник. СПб., 1994. С. 47.

³¹ Зайцев Б. К. «Остров». Рукопись (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

³² Зайцев Б. К. Письмо неизвестному другу // Русская мысль, № 366, 27 июля 1951 г.

Мальчишка-красноармеец, простой, „добродушный“, на площадке вагона близ Каширы. Улыбаясь рассказывал, как они воевали с белыми.

– И попался тут один нам в плен. Глядим, а он поп. А туда же, воевать... Наши очень над ним забавлялись. Сколько хотели мучили. Ремни все ему из спины вырезали.

Он сплевывал, затягиваясь цыгаркой. Весенний ветер полей каширских обдувал молодое – симпатичное! – лицо.

– Очень долго с ним баловались. [...]

Некие „ремни“ вырезались также из нашей души, сердца, мозга. [...]

Что спасало, удерживало и утешало русского человека в бедствиях нашей эпохи – конечно, религия, сделавшая огромные завоевания в сердцах. Были целые месяцы и недели в Москве, в революцию, когда жить, дышать и не приходить в отчаяние можно было лишь в церкви. Когда на литургии можно было плакать с первого ее слова до последнего, и все-таки уходить облегченным, ибо безобразию, зверству, свирепости окружающего противопоставлялся мир гармонии и любви. [...] В самые страшные минуты самый факт существования Евангелия так же неопровержимо свидетельствовал о величии добра, как встающее солнце ежедневно доказывает неистребимость света»³³.

В течение короткого времени Зайцеву довелось познакомиться с наиболее прославившимися впоследствии в русском рассеянии афонскими насельниками – иеромонахом Иоанном Шаховским, иеромонахом Василием Кривошеиным, иеромонахом Софронием Сахаровым. Знакомство же с о. Кассианом Безобразовым состоялось еще в Париже задолго до его пострига и последующего водворения на Святой Горе. Каждый из них, добровольно или в силу обстоятельств, избрал свой особенный путь, в дальнейшем протекавший и завершившийся вне Афона, однако начавшийся под покровом Святой Горы.

Знакомство с о. Иоанном Шаховским и о. Кассианом Безобразовым продолжится до смерти писателя, а о. Софроний Сахаров будет постоянным корреспондентом приятеля Зайцевых доктора Сергея Михеевича Серова. Епископ Кассиан Безобразов станет одним из героев повести «Река времен» – последней значительной литературной работы Зайцева.

Лето 1927 г. по возвращении с Афона Зайцевы провели в Париже. Именно в это время афонские записи и впечатления перерабатываются в очерки, ставшие затем главами новой книги: «Мы, т. е. Борух и я прожили изумительно тихое лето, – пишет Вера Алексеевна В. Н. Буниной в сентябре, – Во всем доме остались одни. Боря горевал, да и до сих пор горюет о Матери»³⁴. Много он работает, Афон еще будет в 3 или 4-х подвалах. Материально нам дико трудно. Проживали по 2 тысячи в месяц, а теперь с Наташенькой расходы»³⁵. Однако в «Последних новостях» выходит еще только один афонский очерк – «Лавра и путешествие» (2 октября 1927 г.), на чем сотрудничество Зайцева с газетой прекращается.

³³ Зайцев Б. Наш опыт // Русский инвалид, № 79, май 1935, с. 5.

³⁴ Мать Б. К. Зайцева Татьяна Васильевна Рыбалкина скоропостижно скончалась в Москве 20 июля 1927 г. накануне планировавшегося отъезда из советской России. 20 июня 1927 г. Зайцев писал Бунину: «Итак, с Афона я вернулся. О тебе почти ничего не знаю, да и никто, кажется, не знает. Мы сидим в Париже. Видимо, останемся на все лето (Наташа будет гостить у Карбасниковых). На Афо не очень много интересного, к сожалению, у меня было очень мало денег, что сильно затрудняло путешествие. Передай Илье Исидоровичу, что, когда Вера в трудную минуту обратилась в журн. „Совр. Зап.“ с просьбой об авансе для уплаты за квартиру, ей было начисто отказано (равно и в „Посл. Нов.“). Добавь, пожалуйста, что если „С. З.“ думают, что такой образ действий способствует укреплению наших отношений, то это заблуждение. [...] // В Афинах была дикая жара и пыль. Чехов когда-то мудро сказал об этом го роде: „в Афинах много блох“. В Париже пока лето состоит в том, что я сожалею об отданном в чистку летнем пальто. Все же это лучше, чем задыхаться. // Благодаря дружной поддержке дружественных изданий я был вынужден возвращаться из Афин в III классе – это сильно напомнило мне камеру Особого Отдела в Г. П. У., где мы сидели в 1921 г., но и дало некоторый жизненный урок. Иван, тебе Афон страшно понравился бы! Там я жил чудно. Но в монахи никак не пригоден (в чем нисколько, впрочем, и не сомневался, и ездил туда не за тем, чтобы монахом делаться). Я там путешествовал на лодке, муле и пешком. Принимали, как архиерея». (Новый журнал. № 139. 1980. С. 168–169). Тогда же Зайцев соглашается поделиться афонскими впечатлениями с участниками го товящегося съезда Студенческого Христианского Движения (ВРСХД. Париж. № 7, июль 1927. С. 28).

³⁵ Письмо В. А. Зайцевой к В. Н. Буниной от 11/24 сентября 1927 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

Сам главный редактор «Последних новостей» П. Н. Милюков, возможно, и хотел сохранить Зайцева для своей газеты. Во всяком случае, письмо его свидетельствует о переговорах с Зайцевым об условиях продолжения сотрудничества. Можно допустить, что не сам Милюков, а именно другие руководящие сотрудники редакции, названные в приводимом ниже письме, подвигли Бориса Константиновича на разрыв с газетой... 27 сентября 1927 г. Милюков писал:

«Дорогой Борис Константинович,

Хотя меня и считают самодержавным монархом в газете, но по вопросам бюджета я – монарх конституционный и, в ответ на Ваше письмо, должен обратиться за справкой к моему министру финансов, т. е. к Н. К. Волкову³⁶. Разрешить Ваши вопросы смогу только после его справки. Из этого не следует, конечно, чтобы я лично был против Ваших предложений. С литературной стороны я против них ничего не имею. С Афоном ничего не поделаешь – пишите, как пишется. Мемуарно-беллетристический очерк тоже весьма приемлем.

„Местом“, как Вы знаете, мы стеснены, а потому на этот счет отсюда никаких обещаний давать не могу: тут надо сообразоваться с другими моими министрами: внутренних дел (И. П. Демидов³⁷) и – уже не знаю, как назвать министра, который в последней инстанции разверстывает материал и в обращении называется Александром Абрамовичем (Поляков³⁸). Аванс у нас строго запрещен, и по этому поводу нужен всякий раз особое разрешение, а иногда и оборот с моими личными суммами. Н. К. свиреп по этому поводу и никаких резонов не принимает. Впрочем, может быть, понадобится общая законодательная мера. Все это решим по моем приезде в Париж, т. е. не позже 15-го октября.

В статье Бердяева³⁹ я ценю, главным образом, его понимание внутри-русской психологии и правильную, на мой взгляд, расценку того, как мы, эмигранты, должны к этой психологии относиться. Что касается аргументации Бердяева, то, кроме сделанных в передовице оговорок, я мог бы сделать и другие, аналогичные Вашим. Но я не делаю из них того вывода, что требуемой Сергием подписки (в отрицательной форме) нельзя было давать. На этом основании пришлось бы осудить и вообще тактику Евлогия, – ибо ведь тогда „аполитичность“ для церкви и вообще невозможна.

[...]

Искренне уважающий Вас

*П. Милюков*⁴⁰.

³⁶ Николай Константинович Волков (1875–1950) – директор-распорядитель правления общества «Русское издательское дело в Париже» и руководитель хозяйственной части редакции газеты «Последние новости». Член III и IV Государственной Думы, член ЦК партии Народной свободы, в годы войны руко. водил деятельностью Петроградского отделения Земгора, товарищ министра земледелия во Временном правительстве. Активно работал в антибольшевистском подполье в России. В годы Второй мировой войны сохранил имущество редакции, передал его впоследствии прежним сотрудникам газеты.

³⁷ Игорь Платонович Демидов (1873–1946) – внук В. И. Даля, земский деятель, член IV Государственной думы. Член ЦК Конституционно-демократической партии. После большевистского переворота создал «Всероссийский национальный центр» помощи Добровольческой армии. С марта 1924 г. был помощником редактора «Последних новостей».

³⁸ Александр Абрамович Поляков (1879–1971) – секретарь редакции газеты «Последние новости». Сотрудник петербургского «Русского слова», редактор газет «Юг» и «Юг России» в Севастополе в 1919–1920 гг. До 1970 г. был секретарем редакции нью-йоркского «Нового русского слова».

³⁹ По-видимому, речь идет о статье Н. А. Бердяева «Вопль русской церкви» // Последние новости, № 2365, 13 сентября 1927 г.

⁴⁰ Письмо П. Н. Милюкова Б. К. Зайцеву (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

По словам Н. Б. Зайцевой, уход из «Последних новостей» был вызван прежде всего глубокой обидой Бориса Константиновича на отказ редакции предоставить его супруге небольшой аванс в период его пребывания в Греции. Так что вполне вероятно, что несогласие редакции увеличить построчную оплату стало лишь поводом к прекращению сотрудничества...

Письмо Милюкова, однако, действия не возымело, и Вера Зайцева сообщала Вере Буниной: «Верун! Пока я тебе писала письмо, у нас произошло событие. Боря будет писать в „Возрождении“! „Послед.[ние] Новости“ отказались платить по 1, 50 с. А по 1 fr. Боря больше писать не будет. Думали, думали, да и решился Боря. Не знаю, но у меня нет чувства, что это неправильно. К Струве⁴¹ он никогда не был близок, единственно, что Боре неприятно относительно Ивана, но Ваня-то ушел опять-таки из-за Струве. „Возрождение“ осталось „Возрождением“, ну а Гукасов⁴² с первого дня был „Гукасов“. Теперь, Бог даст, не будет вечера, довольно благотворительности. Все надоело»⁴³.

Со 2 октября в «Возрождении» регулярно помещаются материалы Зайцева, а уже 11 октября возобновляется печатание афонских очерков. Четыре заключительных очерка появились в пяти номерах газеты, причем общий заголовок «На Афон» был снят.

30 сентября 1927 в переписке двух Вер снова возникает тема Афона: «Я тебе забыла написать имя поэта, кот.[орый] едет на Афон – это Диомед Монашев. [...] Боря еще будет об Афоне писать 3–4 подвала и все в „Возрождении“, – сообщает В. А. Зайцева, – Пока материально еще не легко, ну, конечно, если „Возрожд.[ение]“ не закроется, то немного мы вздохнем»⁴⁴. Публикация очерков завершилась 11 декабря.

К началу нового года Зайцев начинает пересматривать опубликованный текст афонских очерков, не добавляя ничего существенного и внося лишь незначительные сокращения и уточнения.

Вскоре Зайцев заключил с издательством американского Христианского союза молодых людей (YMCA) договор на публикацию своего отчета об афонском странствии отдельной книгой. «Это один из тех писателей, которые работают по старинке, не думая о том, найдут ли они издателя и как разойдется написанная книга в Париже и Берлине»⁴⁵, – полагал интервьюировавший Бориса Константиновича Яков Цвибак. По-видимому, автора, напротив, очень волновала судьба рукописи о Св. Горе и возможность скорейшего появления ее в виде книги, так что обычно весьма щепетильный в отношениях с издательствами, Зайцев согласился на малопривлекательные условия издательства YMCA-Press, изначально ограничившего автора малым объемом текста... Книгу с рабочим названием «Афон» предполагалось выпустить объемом в 5–6 печатных листов по 36.000 знаков в листе⁴⁶. Определено было, что «если размеры манускрипта будут превосходить размеры, упомянутые в § 1 более, чем на 20 %, то YMCA-PRESS может отказаться принять манускрипт»⁴⁷, причем «при чтении корректуры автор может делать изменения не более 5 % текста. Все расходы, которые могут произойти вследствие изменения превышающего 5 % текста, производятся за счет автора»⁴⁸. Даже в случае не выпуска книги издательством по не зависящим от автора причинам Зайцев соглашался, что будет иметь право

⁴¹ Петр Бернгардович Струве (1870–1944) являлся главным редактором парижской газеты «Возрождение».

⁴² Абрам Осипович Гукасов (1872–1969) – нефтепромышленник, создатель и владелец парижского издательства «Возрождение» и одноименной газеты, выходившей в 1925–1940 гг. После войны издавал ежемесячный журнал «Возрождение». Создал типографию «Navarre».

⁴³ Письмо В. А. Зайцевой к В. Н. Буниной от 11/24 сентября 1927 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

⁴⁴ Письмо В. А. Зайцевой к В. Н. Буниной от 30 сентября 1927 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

⁴⁵ Андрей Седых. У Бор. Зайцева в Париже. (От корреспондента «Сегодня»). (Отдельная газетная вырезка. Частное собрание).

⁴⁶ Письмо-договор с Б. К. Зайцевым на издание рукописи «Афон», подписанный П. Андерсоном (Авторизованная машинопись. Архив YMCA-Press).

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

передать рукопись другому издательству лишь «при условии уплаты YMCA-PRESS половины суммы, полученной от нового Издательства», а также передавал YMCA-PRESS «право ведения переговоров и заключения контракта с другими Издательствами» на переиздание книги и переводы ее на иностранные языки⁴⁹. Авторский гонорар был вполне эфемерным и лишь покрывал непредвиденные расходы на обратную дорогу из Греции: «За предоставление прав, упомянутых в § 1, уплачивает автору или уполномоченному им лицу следующее вознаграждение: за первое издание, т. е. до трех тысяч экземпляров, по двадцати долларов /Долл. 20. – / за лист; за следующие издания, а также издания на иностранных языках, по своевременному взаимному соглашению»⁵⁰. Договор был подписан секретарем YMCA П. Андерсоном 26 апреля 1927 г.

К моменту возвращения Зайцева из афонского странствия уже был подготовлен к печати другой подобный путевой дневник. Автором его был студент богословского факультета Белградского университета, большой любитель церковного пения Иван Гарднер, совершивший продолжительное паломничество на Святую Гору в 1926 г. Подробнейший и интереснейший отчет этот в основной своей части так и сохранился в рукописи, и первым значительным опубликованным свидетельством интереса русских беженцев к Афону стала книга Зайцева. Белградские русские студенты-богословы вообще любили Святую Гору, и для нескольких из них именно здесь началось монашеское служение⁵¹. Писали об Афоне и ставшие впоследствии известными в эмиграции литераторами недавние офицеры Русской армии П. Н. Врангеля. Один из лучших литературных отчетов о паломничестве на Святую Гору в сентябре 1924 г. оставил известный автор морских рассказов капитан Б. П. Апрельев, не раз выступавший с публичными чтениями о современном состоянии русского монашества, в т. ч. и в белградском православном кружке имени преп. Серафима Саровского. 3/16 ноября 1924 г. он выступил в заседании, собравшем около 80 слушателей, преимущественно студентов. «Своими яркими описаниями он перенес всех нас на Святую Гору, – вспоминал один из участников. – Особенно поразительно было его посещение русских отшельников, живущих на Карухи [sic!] на совершенно отвесных скалах, где часто от одной келии к другой нет тропинки и только при помощи веревки, упираясь в стену ногами, можно перейти с места на место. В настоящее время их там 19 человек, начиная от слепого старца 112 лет и кончая бывшим офицером добровольческой армии. Живут они в большой бедности, питаются сухарями и луком, не зажигая огня круглый год, и, несмотря на всю свою отрезанность от мира, они следят за всеми современными событиями»⁵². Известный в русском рассеянии публицист, военный прокурор и профессиональный паломник, пешком обошедший чуть не все монастыри Сербии и Македонии, Евгений Вадимов (Ю. И. Лисовский) публиковал легенды о Святой Горе⁵³.

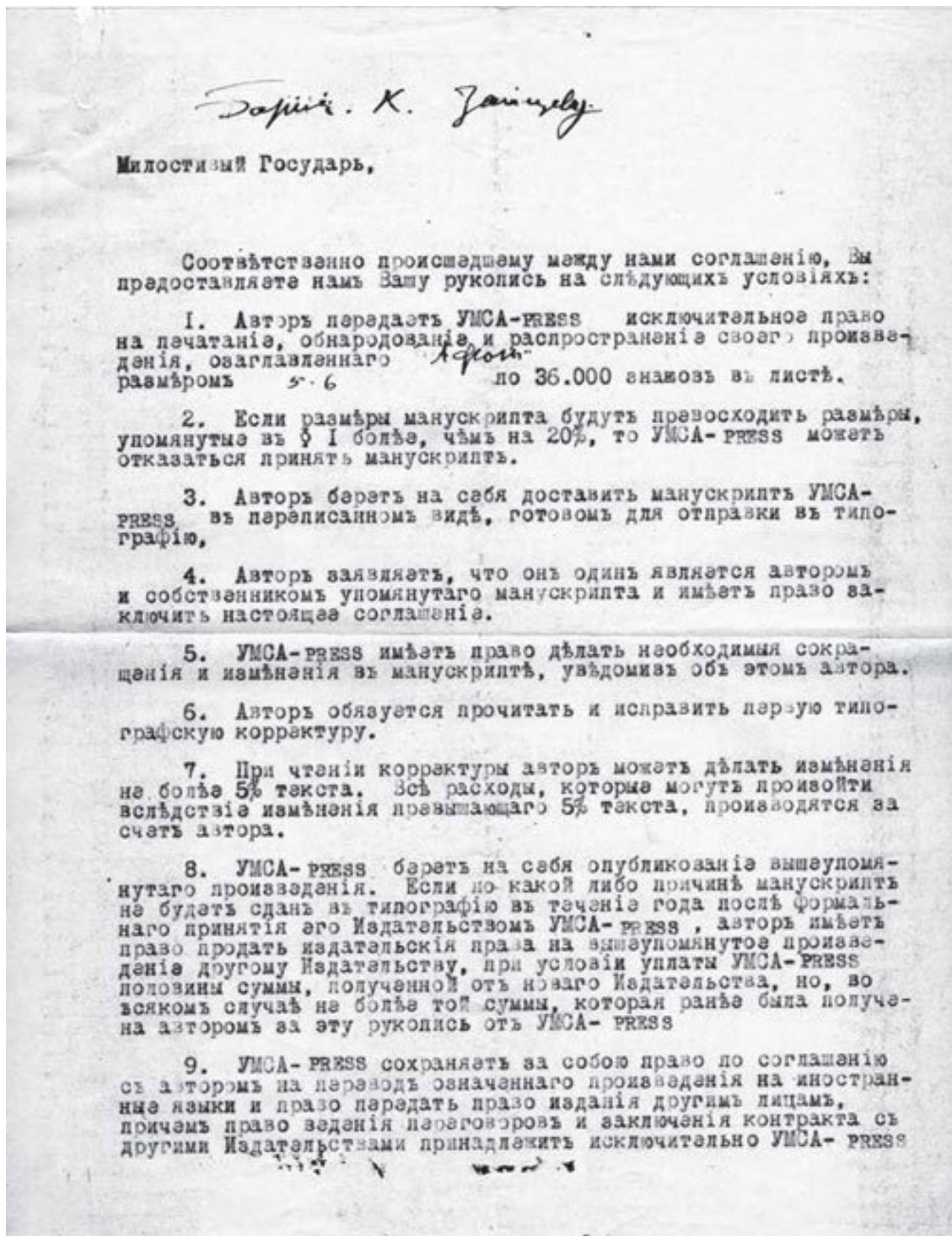
⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. Т. о., при курсе, едва превышавшем 30 французских франков за 1 аме риканский доллар, Зайцев мог рассчитывать на вознаграждение в размере 3000–3600 фр.

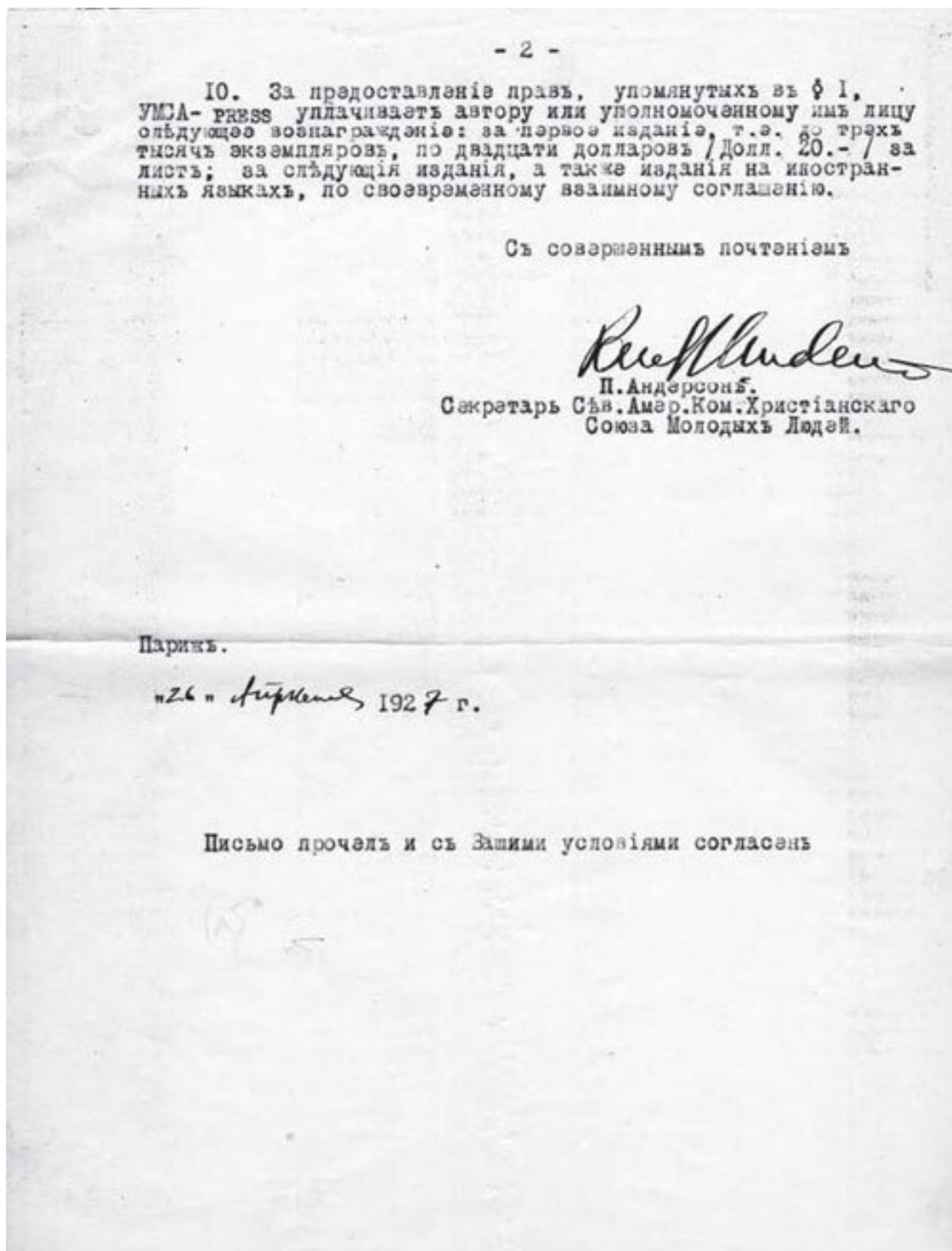
⁵¹ *Инокентий, архим.* Жизненный путь архиепископа Серафима [Иванова] // Суббота великого покая. Сборник, посвященный архиепископу Серафиму. Магopak, 1959. С. 7.

⁵² Белградский православный кружок имени преподобного отца Серафима Саровского чудотворца // Духовный мир студенчества, № 5, Париж, 1925, с. 38–39.

⁵³ *Вадимов Е.* Сказание о горе Афонской // Воскресное чтение, Варшава, № 1, 3 января 1937, с. 6–10.

Договор об издании книги «Афон», с. 1

Договор об издании книги «Афон», с. 2

Еще один русский паломник, игумен монастыря в эстонском городе Петсери (Печоры) епископ Иоанн (Булин), вынужденный покинуть Эстонскую республику из-за внутрицерковных неурядиц и отправившийся в длительное путешествие по Европе и святым местам Христианского Востока, жил на Афоне в августе – сентябре 1934 г. и оставил солидный путевой дневник⁵⁴.

⁵⁴ Эти и другие многочисленные свидетельства о межвоенном Афоне, прежде всего о русских его обителях, в значительной своей части сохранились лишь в рукописях.

В том же 1927 г., сразу по возвращении Зайцева из Греции, была издана монография об Афоне итальянского исследователя Ф. Периллы, написанная по материалам, собранным за три поездки на Св. Гору – в августе 1923 и в апреле – мае и августе – сентябре 1924 годов, и иллюстрированная зарисовками автора. Обработка и приготовление собранных материалов к печати заняли около трех лет и были завершены в апреле 1927 года. Тогда же книга была отпечатана одновременно двумя тиражами на итальянском⁵⁵ и французском⁵⁶ языках, став одним из наиболее интересных научных и одновременно художественных межвоенных отчетов о посещении Афона. Особенно полезным для возможных паломников являлся путеводитель по Св. Горе, содержащий разработанные автором маршруты трех, пяти, восьми, 15-ти и 30-тидневных путешествий⁵⁷. Подробному описанию святынь и иных достопримечательностей, а также и библиотек каждой из обителей посвящена была заключительная, десятая глава⁵⁸. Все это делало книгу Ф. Периллы наиболее примечательным для широкой аудитории изданием об Афоне из появившихся после Первой мировой войны⁵⁹.

Книга «Афон» выходит из печати в марте, и уже 23 июня Борис Константинович просит супругу: «Самое лучшее – в среду или четв.[ерг] тебе зайти к М-[аковском]у. Занеси ему „Афон“, скажи, что надпись я сделаю, когда приеду, и чтоб дали в газете отзыв»⁶⁰. «Дорогой мой, авторские экземпляры „Афона“ вели Имке отправить мне сюда, штук 10, я ведь должен еще разослать по „критикам“»⁶¹, – добавляет он пять дней спустя. К этому же времени относится и свидетельство о том, что поездка на Святую Гору дала не только литературные впечатления⁶²...

Между тем посланные им в Грецию экземпляры быстро достигли Святой Горы, и вскоре Зайцев сообщает жене: «Получил еще письмо с Афона, оч.[ень] милое, от о. Виссариона, и карточки фотогр. [афические]⁶³», а 8 июля добавляет, что «Получил письма с Афона, очень милые: оффициальн.[ую] благодарность от Игумена и братии, и частное письмо, оч.[ень] ласк. [овое] от арх. [имандрита] Кирика. Просит прислать ему еще один экземпляр»⁶⁴. И в наши дни⁶⁵ на Святой Горе сохраняется интерес к творчеству Зайцева.

⁵⁵ Perilla F. Il Monte Athos. La storia. I monasteri. Le opera d'arte. Le biblioteche. Di segni, xilografie, acquarelli dell'autore. Edizione dell'autore, Salonicco. Chez J. Dan guin, Paris, MCMXXVII. XV+186 pp. 525 ex.

⁵⁶ Perilla F. Le Mont Athos. Son histoire. Ses monasteries. Ses oeuvres d'art. Ses bi bliothèques. Dessins, bois, aquarelles de l'auteur. Chez l'auteur, Salonique – Chez J. Danguin, Paris, MCMXXVII. XV+188 pp. 1000 ex.

⁵⁷ Perilla F. Il Monte Athos. P. 162–164.

⁵⁸ Perilla F. Il Monte Athos. P. 164–182.

⁵⁹ Тем не менее об этой книге, скорее всего известной Зайцеву, он не упоминает ни словом. Как, впрочем, не упоминает и о других весьма заметных изданиях (Millet C. Monuments de l'Athos. T. I. Les Peintures. Paris, Leroux, 1927; Hasluck F.-W. Athos and its Monasteries. London: Kegan Paul, 1924), появившихся как незадолго, так и в самый год его паломничества и работы над книгой.

⁶⁰ Письмо Б. К. Зайцева В. А. Зайцевой из Грасса в Париж 23 июня 1928 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж). Книга Зайцева уже была отмечена редакцией, см.: С. И-кий. «Афон» // Возрождение, № 1019, 17 марта 1928, с. 4.

⁶¹ Письмо Б. К. Зайцева В. А. Зайцевой из Грасса в Париж 28 июня 1928 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

⁶² «Вот я проснулся и опять подумал, как-то особенно мне это стало ясно, что вне мира и любви с тобой я вообще не могу существовать, – писал Зайцев жене в июне 1928 г., – я как-то увядаю, и при этом знаю, что со мной очень нелегко жить, но ведь мы даны друг другу, наш союз не пустяк, не случай ность, он имеет очень глубокий характер – мы не можем друг без друга» (Ар хив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

⁶³ Письмо Б. К. Зайцева В. А. Зайцевой из Грасса в Париж без даты [начало июля 1928 г.] (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

⁶⁴ Письмо Б. К. Зайцева В. А. Зайцевой из Грасса в Порнишэ 8 июля 1928 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

⁶⁵ См. перевод его книги о Валаамской обители в Финляндии, выполненный и изданный сербскими святогорцами: Шмелев К, Зайцев Борис. Стари Валаам. Превод хиландарски монаси. Света Гора Атонска. Манастир Хиландар, 1993. -119 стр. Илустр. (Хиландарски преводи; бр. 7).

Б. К. Зайцев, Алексей Смирнов и В. А. Зайцева в Притыкино

Рецензия И. П. Демидова появляется в «Последних Новостях» в июле: «Мне кажется (такова тема книги), что автор хотел рамкой „православного человека“ немного обуздать „русского художника“, „подморозить“. Сознаюсь – это уже чтение в сердцах, чего не полагается. Виновен, но заслуживаю снисхождения, ибо имею смягчающие обстоятельства все в том же непонятном „и только“⁶⁶. Если же я разгадал скрытое намерение, то рад, что оно автору не удалось, – кругозор художника не подморозился, кое-где вырвался за пределы нарочитого ударе-ния, и это еще более украсило книгу, углубило ее.

„Святая гора“ – тысячелетний, „живой в себе“ мир, тысячелетняя традиция, тысячелет-нее своеобразие. Для одних святыня, для других странный пережиток, но для всех что-то не обыденное, стоящее внимания. [...] Мир особый, для громадного большинства чуждый, даже юродивый, никогда не отвечавший ни одной эпохе, всегда „не современный“, всегда „пережиток“, куда во все эпохи „спасались“ те, кому эпоха была не по призванию. [...]

Жизнь и быт „Святой горы“ изображены эпически спокойно: так было, так будет. Автор – православный человек – не хочет, чтобы читатель заметил его. Пусть будет перед читателем только Афон, „стоящий перед Богом“, со всем своим „многообразием религиозного опыта“. Иногда случается, что „русский художник“ как будто хочет заглушить „православного“. Вре-менами они как будто спорят и борются. Дух художника разрывает круг афонского ритма: он уносит автора в эпоху Трои и царицы Клитемнестры, а то и еще глубже, в века, когда мир жил мифом. [...] „Православный“ спешит „одернуть“ замечтавшегося художника. [...] Афон не должен претендовать убить мир, убить в мире любовь и жизнь (он и не претендует, а лишь сам уходит от мира), но в мире должен быть Афон, „стоящий перед Богом“, не современный ни одной эпохе, всегда „пережиток“.

⁶⁶ «Ученого, философского или богословского в моем писании нет. Я был на Афоне православным человеком и русским художником. И только», – писал Зайцев в предисловии к книге «Афон».

Здесь, как мне чувствуется, и лежит основное идеологическое достоинство книги Бориса Зайцева, так воспринявшего „Святую гору“, – книга милостивая и примиряющая. Афон не противоречит миру, мир не противоречит Афону; они друг друга дополняют.

В этом – я убежден – правда и залог успеха „Афона“ Бориса Зайцева»⁶⁷.

«Спроси маму, читала ли она в „П.[оследних] Н.[овостях]“ большую статью Демидова об „Афоне“? (Оч.[ень] сочувственно, но робко, и как бы извиняясь перед „нашими“»)»⁶⁸, – пишет Борис Константинович дочери 21 июля из Грасса в Порнишэ.

Еще один отзыв выходит на страницах «Возрождения», к пишущим в котором Зайцев присоединился лишь недавно. С. К. Маковский⁶⁹ точно подметит удивительную притягательность новой книги, привлекающей внимание читателя не сразу, пленяющей «незаметно, внушением долгим, заставляя послушно возвращаться еще и еще на пройденный путь»⁷⁰...

Книга Зайцева – это прежде всего дневник его странствия, и историческая ценность его писания о Святой Горе несомненна, ибо оно стало наиболее значительным *опубликованным литературным* свидетельством о русском присутствии на Афоне в период между двумя мировыми войнами.

Возможно поэтому самое важное и ценное в книге Зайцева было точно подмечено именно в рецензии профессионального историка – петроградского медиевиста Г. П. Федотова, ученика И. М. Гревса, уже в эмиграции обратившегося к истории Русской церкви и русской святости⁷¹. Отметил Федотов и малоудачные исторические экскурсы, нарушающие ткань живого повествования об Афонском странствовании писателя⁷².

⁶⁷ И. Д. «Афон» Бориса Зайцева // Последние новости, № 2668, 12 июля 1928, с. 3.

⁶⁸ Письмо Б. К. Зайцева Н. Б. Зайцевой из Грасса в Порнишэ 21 июля 1928 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

⁶⁹ Сергей Константинович Маковский (1877–1962) – историк искусства, поэт и ре дактор. В 1926–1932 гг. был одним из редакторов газеты «Возрождение».

⁷⁰ Маковский С. Афонское уединение // Возрождение, № 1131, 7 июля 1928, суббота.

⁷¹ «Книга Б. Зайцева – не гид паломника, не описание святынь и древностей афонских. Научный, исторический, художественный груз сведен здесь к *minimum*’у. Это лишь искусно обработанные страницы из дневника „право славного человека и русского художника“, проведенного на Афоне „семнадцать незабываемых дней“. // Автор принес с собой на Афон смиренную готовность принять, не рассуждая, не сомневаясь, весь целиком, открывшийся ему особенный мир, – и в то же время зоркий взгляд, изощренный только что проплывшим перед ним волнующим образом Эллады и опытом давних итальянских странствий. Две души афонского странника незримо борются [sic!] между собою, но эта борьба остается скрытой глубоко под прозрачной ясностью умиротворенного сознания. Паломник повествует о ночных службах, о бессонном, голодном, трудовом подвиге Афона, аскетически суровом, как встарь. Художник напоминает очарование фракийской ночи, горизонты моря, ароматы жасмина и желтого дрока. Благоухание цветов покидает нас на Афоне лишь для того, чтобы ус тупить место церковным благоуханиям: „ладанно-сладковатым запахам“ соборов, „злато-маслянистым, медвяным“, исходящим даже от костей и черепов. Весь произванный ароматами, освеженный морем, Афон Б. Зайцева утрачивает свою суровость, баюкает волнами душевно-телесных ритмов. По природе своей, по свойству своего нежного и кроткого дарования, Б. Зайцев не может сказать „нет“ ничему. Принимает и фанатика, читающего „современные фило софские журналы“, хотя он совсем не в стиле Афона. Принимает и пустующие афонские библиотеки: „Впрочем, может быть, истинная Библиотека и вообще должна быть бесцельна. Еще вопрос, следует ли выдавать из нее книги“. Ему нравятся всенощные стояния в афонских храмах, „легкое, текучее и благозвучное забвение“ молитв. Но „вот приподымешься слегка, в стасидии, и над подоконником раскрытого окна увидишь серебристо-забелевшую полосу моря с лунным играющим следом“. И сладко уловить „сквозь напевы утрени звук мир ской“ – дальний гудок парохода. После поэзии послушания, трудов и поклонов – вдруг перед фресками Панселина долго сдержанный вскрик: „Гений есть вольность. Нет преграды, все возможно, все дозволено“. // Тишайшая, кротчайшая борьба с духом Афона (быть может, совершенно подсознательная) закликает на помощь духов древней Эллады, еще не покинувших этой некогда им посвященной земли. За Лемносом чудятся „рыжие холмы тысячетелней Трои“. Горизонт Святой Горы замыкает иная гора – снежный, недостижимый Олимп, „как некий легкий ковчег Эллады“. Древние боги оживают. „Вот теплым кармином тронула Эос верхушку Святой Горы, церковку Преображения“. Иоанн Кукузель, любимейший афонский святой Б. Зайцева, пастух, чаровавший козлов своим пением, ведет за собою тень „христианского Орфея, музыканта Господня“. И даже Афродита-Морфо, „в полудреме томящаяся“, скованная богиня, живет в имени залива Морфино и связанной с ним дохристианской легенде. Но пусть не подумает читатель, что Афон Б. Зайцева посвящен умершим и невоскреснувшим богам. Их тени так легки, их появления так редки и застенчивы, что, называя их имена, я боюсь, не совершаю ли я нескромности. // Есть и другие возможности раздвинуть аскетические рубежи Афона, не покидая его священной земли. В отложениях вековых культур, в соседстве десятков разноплеменных обитателей, составляющих монашескую республику, культурно изощренный глаз автора находит острую экзотику контрастов. Вот Карей, столица Афона – пустынный, точно вымерший восточный город, го род

без женщин и детей. Вот заседание протата (монашеского правительства), которое напоминает „нечто среднее между советом десяти в Венеции и Карфагенским сенатом в христианской транскрипции“. „Косицы и рясы, древние иконы по стенам, литографии, пряность глико, раки, сладостность языка, мягкость диванов, медлительная лень движений – все слилось в дальнюю, за вековую экзотику“. И на этой экзотике, в пряных благовониях Востока, особенно пронзительна, до боли, встреча с Великой Россией. „Русские серые гла за, простые лица полумонашеского, полукрестьянского общежития“. После „медвяных“ запахов Византии „пахнет тут сладковато-кисло, щами, квасом, летают вялые мухи“. В гостинице Андреевского скита „облик неповторимо го“: „стены, увешанные портретами императоров, цариц – натертый пол блестит зеркалом. Чистые половички проложены на нем“. Всего лучше – самые лица, „крепкий и чистый лесной русский тип, закованный на Византии... Таким, как о. Пинуфрий, мог быть посол российский времен Иоанна III, живописец Андрей Рублев или мастер Дионисий“. Это наваждение святой Руси становится непреодолимым в скитах и избах (каливах) отшельников в сосновых лесах „Новой Фиваиды“. Ну а где же святой Афон? Удалось ли художнику проникнуть не внешним лишь взором внутрь православной твердыни? Здесь начинается самая спорная часть книги. Многие, думаю, не согласятся с предложенным автором пониманием Афона. Не имея данных для оценки его, скажем все же, что оно обладает большою убедительностью. // Афонский „духовный тип“ для Б. Зайцева – „это спиритуальность прохладная и разреженная, очень здоровая и крепкая, весьма легкая от эротики“ – прибавим от себя: и от мистики. Впечатление церковной молитвы на Афоне сравни тельно с „мирским“ храмом: „Здесь все ровнее, прохладнее, как бы и отрешеннее. Менее лирики... Я не видал слез на Афоне“. Ночи в церкви, дни на работе, в келье „тянут канончик“. Спят не больше 3–4 часов в сутки. „Монастырский ритм – вот, мне кажется, самое важное. Вы как будто плывете по широкой реке, по течению“. Такая жизнь для слабых – „душевная гигиена“. Мерность движений и размеренность дня становятся школой, покоряющей страстную природу. Автор мало останавливается на острой борьбе аскета. Он протестует против сурового Леонтьевского изображения. Его Афон добрый и спокойный. Паломника всюду окружает и несет волна любовной ласковости. Но если Б. Зайцев утаил от нас (утаил ли?) фанатическое лицо Афона (раза два оно проглядывает, впрочем), то не показал он (потому ли, что и нет его?) другого, мистического лица. Прогулки по лесным скитам давали ему возможность видеть и беседовать с отшельниками очень строгой жизни. Но если это подлинная святость, то святость не мистического, не созерцательного склада. Удивительно жизненны портреты двух современных святых Афона. Один напоминает Толстого – не только наружностью, но и жизненным путем. Человек больших природных сил и страстей, сломивший себя к сорока годам: „сероседой афонский мудрец“. Мудрость его вековая, святоотеческая... Вдруг в беседе с поэтом (на ловца и зверь бежит) „подошел к палисаднику, взглянул на море. – Вот люблю, люблю! Прямо говорю. Взглянул, вижу всю красоту, прелесть... Удивительная красота... а знаю, что рухнет, в огне Божиим завтра, может, сторит, по трубе архангельской... а люблю!“ // О. Нил не мудрец, а простец (из крестьян), в глухом лесу питается одними ми гнилыми фидами („прямо ко рту не поднесешь, вся склизкая, запах“). Его беседа не назидательна. „Глаза его, ровно выцветшие, с оттенком «вечности» слегка слезились“. Наивно-трогательно его смущение, когда его просят угостить посетителя. Вот святой, над которым не считают за грех посмеяться. Святой, у которого есть свои слабости. Однажды рассорился о. Нил с гостем своим Арсением, поспорив о том, что вреднее для человека: лук или масло. „Упрямые у нас бывают старики. Большого подвига оба и друг друга любят, а вот поди ты: что полезнее, лук или масло?“ Есть ли другие, идущие таинственным путем „умного делания“? Не знаем. Но что не мистический тип определяет жизнь современного Афона, это, думается, подмечено верно. Новый Афон не наследник „исихастов“ XIV–XV веков, воспитавших для Руси Нила Сорского. Не случайно изгнание из его стен имяславчества: духовного детища исихастов. Возвращаемся к книге Б. Зайцева. Одно из главных обаяний ее – это стиль. Он, как зеркало, отражает в себе остроту и сложность культурных впечатлений, обработанных в разреженном, строгом ритме Афона. Прозрачность великорусской речи, благодаря перестановке одного слова, одному благозвучно-пышному эпитету, вдруг отзовется то терциной Данте, то стихом Гомера. Речь, весьма далекая от сомнительного жанра ритмической прозы, иной раз нечаян но разрешится в гекзаметре: „Белый и пышный жасмин, отягченный каплями влаги“... Впрочем, может быть, указание на это тоже принадлежит к числу не скромностей» (Федотов Г. П. Зайцев Б. К. Афон. Путевой очерк. Париж, 1928 // Современные записки, № 41, 1930, с. 537–540).

⁷² «Есть одна глава, где автор терпит стилистическое поражение. Это глава о „Святых Афона“. Самая неудача ее чрезвычайно поучительна. Она указывает на почти непреодолимые трудности современной агиографии и вместе с тем на границы модного теперь „оцерковления“. В данном случае автора погубил Афонский Патерик, бесстильный продукт XIX века. Интересно сравнить два варианта легенды И. Кукузеля, данные в книге: свободно-народный (стр. 63) и книжный (стр. 92–3). Вот как надо и вот как нельзя писать легенды! // Историк мог бы сделать кое-какие придирчивые замечания: насчет значения имени „Ксилургу“, насчет Галлы Плаидии в Ватопеде (V век! Это пере ворачивает всю – впрочем, смутную еще – хронологию Афона). Культурный читатель посетует, что в примечаниях не нашлось места хотя бы краткому указателю литературы об Афоне. Но это мелочи. // Закрывая книгу, долго не можешь отрешиться от волнения, которое охватывает вместе с ритмом первых же ее строк. Перечитываешь, и волнение не проходит, но углубляется. Над этой книгой хорошо думается: о самом важном, о жизни, об истории, о вечности» (Там же. С. 540).

Алексей Смирнов, сын В. А. Зайцевой, расстрелянный большевиками в Москве осенью 1919 г.

Появление книги «Афон» явилось для Бориса Константиновича поводом к установлению диалога со многими представителями русского духовного сословия, жительствовавшими в свободном мире. Возможно, некоторые из них, как и Зайцев, полагали, что «вообще

Афон только для русских! Иностранцам он непонятен»⁷³. В течение многих лет Зайцев вел переписку с известным аляскинским миссионером, архимандритом Герасимом (Шмальцем), своим земляком по Калужской губернии: «С о. архимандритом оказались мы тоже земляками. Он из краев калужских, уроженец Алексина и так навсегда уж считает, что лучше, красивее Алексина на Оке ничего и на свете нет. Прислал из Аляски открытку: вид Алексина, сохранил его с 1912 года! А еще Калугу – Каменный мост, по которому гимназистом ходил я более полувека назад.

[...] Русский консул в Америке то ли завез ему, то ли прислал – уж не помню, почему именно – мою книжку „Афон“. А он сам на Афоне бывал, и монаха о. Петра, лодочника, калужанина родом, о котором упоминаю – знал лично. Раз Афон, да Калуга, за нею Россия, лучше которой ничего он не знает, значит я как-то ему и свой – и вот мы переписывались, сведенные Словом, все так же извилистыми, незаметными путями добравшимся куда надо, по волнам, по далеким морям, странствиям консула, к могиле праведника, где русский инок смиренно вышивает крестиком, а сосны вековым гулом над ним гудят, да океан глухо и сыро бухает»⁷⁴.

Архимандрит Герасим посетил Св. Гору еще до октябрьского переворота и спустя десятилетия «вспоминал свое первое путешествие по Черному морю, бурную ночь, шумный Царь-Град и то незабвенное утро, когда мы тихо подходили к св. Горе Афон. Вспоминал, как я не мог читать вечерние молитвы: от сильной качки кружилась голова, прыгали буквы во все стороны, а довольно угрюмый монах о. Фортунат, из-под своих довольно густых бровей смотрел на меня сурово и порою что-то бормотал»⁷⁵.

Они писали друг другу невероятно длинные письма, в которых рассказ о современных событиях чередовался с подробными экскурсами в давно прошедшее. Тульский миссионер неделями писал в полном почти одиночестве аляскинских островов, прерывая очередное свое послание, как только мог добраться до почты в Кодьяке. Зайцев отвечал ему из многолюдного Парижа и, как представляется, из не меньшего одиночества. Их письма полны свидетельств тому, что так ценил Борис Константинович: «в прежней России не было наглости – это бесспорно на всех уровнях ее культуры и государственности. Россия была скромна. Иной раз даже чрезмерно»⁷⁶.

Их интерес к Афону не был только воспоминанием, и оба старались заинтересовать соотечественников судьбою насельников Св. Горы: «Письма с Афона получаю часто и почти каждое из них извещает меня о смерти кого-нибудь из иноков, – сообщал в Париж о. Герасим 27 октября 1940 г. – Вымирает там русское монашество, эти единственные хранители чистоты святого Православия. Вот что творят единоверные нам греки, из-за которых наша Русь пролила реки крови и которая до самой революции так щедро помогала всем восточным народам. А еще Немоловский⁷⁷ пишет в Америку и соблазняет архиереев на подчинение алчным грекам. Что же – ему все равно, он не признает монашества и о том говорил открыто, когда

⁷³ Письмо Б. К. Зайцева В. А. Зайцевой от 21 мая 1927 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж). Эти слова особо отметил рецензент-бенедиктинец в: Irenikon. Tome VI, 1929, p. 846.

⁷⁴ Зайцев Б. К. Слово // Русская мысль, № 100, 7 января 1949, с. 5.

⁷⁵ Письмо архимандрита Герасима Шмальца Б. К. Зайцеву с о. Ахяталик на Аляске в Париж от 28 октября 1940 (?) г. (Частное собрание. Париж). Подборка посвященных истории пребывания на Афоне отрывков из писем о. Герасима к его американским корреспондентам помещена в книге «Abba Gerasim and his letters to his Brotherhood». Spruce Island, Alaska, 1988. P. 46–52 (8. Athonite Impressions).

⁷⁶ Зайцев. Б. К. Путникам в Россию (Рукопись. Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж). Письма о. Герасима Зайцеву были подготовлены нами для публикации в журнале «Русский паломник» в 1997 г., однако увидели свет лишь частично – в переводе на английский язык. См.: Out of the Abundance of the Heart. The letters of archimandrite Gerasim of New Valaam, Alaska to the Well-known Russian Spiritual Writer Boris Zaitsev // The Orthodox Word. 1999: №№ 206–207 (p. 135–181), 208 (p. 211–240).

⁷⁷ Митрополит Александр Немоловский (1876–1960) – с 1909 г. епископ Аляскинский, с 1916 – епископ Канадский, с 1918 г. епископ Алеутский и Северо-Американский. Переехал в Константинополь в 1921 г. После 1928 г. жил на Афоне, в 1936 г. назначен архиепископом Брюссельским и Бельгийским (в юрисдикции Патриарха Константинопольского).

находился в Америке. Значит таковым архиереям все то равно, что творится на св. Горе и что так переживают русские иноки. В наше жалкое и маловерное время многие миряне больше имеют любви к монашеству, чем некоторые архиереи и белые священники. Вот Вы так прекрасно, так трогательно описали о св. Горе, о подвижниках ее, и в каждой строчке Вашего писания видно любовь, сострадание к тем, кто избрал для себя иную жизнь вдали от мира! Прекрасная Ваша книга о русском Афоне, о св. острове Валаам. Спаси Вас за это Господь! [...] Конечно, в Америке проживают святители монахолюбцы: Архиепископ Тихон [Троицкий], Архиеп. Виталий [Максименко], Еп. Иоасаф [Скородумов], Еп. Иероним [Чернов], они помогают афонцам как только могут материально. По-моему, всем бы Архиереям нужно подать прошение греческим властям об открытии Св. Горы для всех славян. Но печально то, что наши Владыки не живут в мире и любви в такое страшное время»⁷⁸.

Еще одним своеобразным откликом на книгу Зайцева, который, по словам его Валаамского приятеля иеромонаха Иувиана (Красноперова), «разбудил вновь интерес к Афону»⁷⁹, можно считать появление в эмиграции целого ряда работ о Святой Горе⁸⁰. Бывший пермский губернатор, камергер Александр Владимирович Болотов (1866–1938) был столь вдохновлен очерками Зайцева в «Возрождении», что, посетив Святую Гору на Страстной неделе 1929 г., уже в 1931 г. стал афонским иноком Амвросием, а в 1938 г. схимонахом⁸¹. Друг и духовник Бориса Константиновича архимандрит Киприан (Керн) вспомнил о монахолюбии писателя в год его семидесятилетия: «Не вожди и не социальные реформаторы – область его интересов. Не гонители и не обличители, а скорее изгнанники, одиночки, массам ненавистные и от них уходящие на свои вершины, в свои пустыни. Вот почему Данте, патрон изгнанников, так глубоко завладел Зайцевым; почему много вчитывался он в Шатобриановские „Воспоминания“; вот почему и Флобер, суровый аскет в литературе, безжалостный к литературному празднословию, а потому и совершенный стилист французской прозы. Отсюда же у Бориса Константиновича и тяготение к церковному, иноческому. Инок – иной, т. е. не такой, как все, как массы; монах – монада, одиночка, а не часть какой-то толпы, людского табуна. Да и церковность, религиозность есть печать известного избранничества. Не всем это дано, а по Божиему изволению, помазанием свыше, а не избранием снизу»⁸².

⁷⁸ Письмо архимандрита Герасима Шмалыца Б. К. Зайцеву с о. Аяхталик на Аляске в Париж от 27 октября 1940 (?) г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

⁷⁹ Письмо о. Иувиана (Красноперова) к Ю. И. Репину с о. Валаам в Куоккала от марта (?) 1936 г. (Частное собрание. Хельсинки).

⁸⁰ В их числе: *Бокач Ф.* Афон. Значение Святой Афонской Горы в деле создания и распространения духовной культуры на Руси. Общество друзей русских обителей на Святой Горе Афонской. Париж, 1959. 63 с. *Он же.* Святая Гора Афон русским людям в рассеянии сущим, о русских обителях на Святой Горе Афонской. Редактор Ф. Бокач. Париж, 1958. 29 с. *Большаков С. Н.* Иеросхимонах Иероним (Соломенцев) – возобновитель русского монашества на Афоне в XIX веке // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. Париж, 1963, № 41. С. 52–62. *Ващенко В.* Скит Святого пророка Илии // Православный путь. Джорданвилль, 1961. С. 157–170. *Лукиянов В., свящ.* Святая Гора Афон – земной удел Божией Матери // Православный путь, 1972. Джорданвилль. С. 33–91. *Маевский В. А.* Неугасимый светильник. Т. 1–2. Шанхай, 1940. 447 и 381 с. Афонские рассказы. Париж, 1950. 187 с. Афон и его судьба. Мадрид, 1968. 242 с. *И. [еромонах] С. [ерафим Иванов?]* На Св. Афоне // Вестник РСХД. № 8. 1927. С. 8–10. *Он же.* На Афон // Там же. № 10. 1927. С. 8–10. *И. С. [Игумен Серафим Иванов].* На Святом Афоне пасхальными днями. Ладомирова, 1931. 16 с. *Панайоти Н.* Святая Гора Афон и славяне // К ты сячелетию Святой Горы Афон. Джорданвилль, 1963. С. 13–39. То же. Берн, 1963. 32 с. *Смолич И. К.* Святая Гора Афонская. К тысячелетнему участию ее в жизни Православной Церкви. // ВРСХД, 1963, № 70–71, с. 29–43. *Софроний (Сахаров).* Старец Силуан. Париж, 1948. *Четвериков С., прот.* Молдавский старец схиархимандрит Паисий Величковский. Его жизнь, труды и влияние на православное монашество. Вып. 1–2. Петсери, 1938. // После Второй мировой войны подробный обзор положения Святой Горы и ее русских насельников впервые был приведен в докладе архиепископа Аверкия (Таушева), игумена Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле, Собору епископов Русской Православной церкви за рубежом в октябре 1962 г., после чего Синод зарубежной церкви приступил к оказанию помощи русским насельникам Святой Горы: *Аверкий (Таушев), архиепископ.* Святая Гора Афон и ее современное состояние // К тысячелетию Святой Горы Афон. Джорданвилль, 1963. С. 3–12.

⁸¹ *Болотов А. В.* Страстные и светлые дни на Афоне. Варшава: «Добро», 1929. 39 с.

⁸² *Киприан, архим.* Б. К. Зайцев // Возрождение, № 17, сентябрь–октябрь 1951, с. 163.

Б. К. Зайцев. Югославия. 1928 г.

Когда в 1928 году Зайцев приедет в Белград на съезд русских писателей и журналистов, ему придется говорить и о своей последней книге:

«– Ваша последняя книга?

– „Афон“! Если бы Вы только знали, как он покоряет своей высокой духовной жизнью! Там отлично сохранилось то древнее Славянство. Нигде мне не приходилось слышать более чистую русскую речь. Именно в монастырях Афона. А как там музыкально звучит колокольный звон! [...]

– А в Белграде я остаюсь еще целую неделю. Ваша страна мне напоминает нашу: те же мощные реки, те же выходящие клубы дыма!

Алая лента на иконе трепещет: окошко светится, словно икона, из которой некий архангел вот-вот выпорхнет погулять. Господин Зайцев, ласково-задумчивый, словно позирует знаменитому церковному художнику Нестерову. Несомненно, г. Зайцев обрел мир. Возможно, лишь всемогущая Россия в состоянии дать такого – джентльмена Масличной Горы, который не говорит, а словно чинодействует в лакированных туфлях»⁸³.

Н. Б. Зайцева много раз говорила автору этих строк, что отец ее вернулся с Афона немного другим человеком. Перемена произошла даже во внешнем облике – исчезла всем известная зайцевская борода, и, как рассказывала Наталья Борисовна, он сразу постарел. Эту перемену в облике известного писателя отметили даже обитатели Белграда: «Газеты нами полны. В день перед открытием, в 3–4 ч. дня наши физиономии положительно высматривали с каждого прилавка, каждого столика в кафе, каждого киоска. Нынче выходят два интервью со мной. Портреты все уже спустил в газеты. Вчера после торжеств.[енного] Толстов.[ского] вечера меня поймала хорватская студентка – в тетрадке у ней наклеен мой ульяновский портрет⁸⁴, и она плакалась, что там я с бородой, просила дать „без бороды“ – чему я помочь не мог. (Вообще о моей наружности пишут в газетах то что я похож на Ад. Манжу⁸⁵, то что я „нестарейший“, и пр.)»⁸⁶, – писал Зайцев жене из Белграда.

Вскоре после напечатания книги Зайцев вернулся к теме Святой Горы. Поводом к тому послужило появление описания другого афонского путешествия, описания французского и, как считал Борис Константинович, не заслуживающего никакого доверия. Это была книга «Месяц у мужчин» известной уже журналистки Маризы Шуази. Она рассказывала о своем необычном и нарушившем все вековые запреты вторжении на Святую Гору под видом юношеской слуги путешествующего иностранца, однако впечатления, вынесенные ею из жизни афонских обитателей, незнание очевидных реалий афонского быта и сама вульгарная манера изложения истории своего путешествия заставили Зайцева усомниться в подлинности ее рассказа, что было подтверждено знакомыми ему монашествующими и игуменом Мисаилом (Сапегиным), не запомнившими пребывания такого человека в Пантелеимоновом монастыре⁸⁷.

⁸³ – З. Св. Сергије. «Смисао живота је душевна јачина и духовна висина!» Каже г. Б. К. Зайцев. Џентлмен Маслинове Горе // Новости, Београд, 28 септембар 1928. (Перевод А. Б. Арсеньева).

⁸⁴ Портрет Б. К. Зайцева написан Н. П. Ульяновым (1875–1949) в 1911 г. Совместно с П. П. Муратовым и Н. П. Ульяновым Зайцев путешествовал в 1908 году по Италии.

⁸⁵ Адольф Манжу (Adolphe Jean Menjou, 1890–1963) был сыном француза и ирландки. На некоторых фотографиях Зайцев действительно поразительно похож на этого американского актера. В октябре 1927 г., за год до приезда Зайцева в Белград, были завершены съемки фильма «A Gentleman of Paris» с участием А. Манжу, что, возможно, послужило дополнительным поводом для сравнения прибывшего из Парижа писателя с известным актером.

⁸⁶ Письмо Б. К. Зайцева В. А. Зайцевой из Белграда в Париж 27 сентября 1928 г. (Частное собрание. Париж).

⁸⁷ Современный греческий автор самого, пожалуй, подробного путеводителя по Святой Горе особо отмечает, что книга М. Шуази не заслуживает никакого доверия. См.: Πενδζίκη Γ. Ν. Ἀγιον Όρος. Ἀθήνα, 2003. Τ. 1. Σ. 175.

Мариза Шуази написала несколько книг в стиле репортажа: в июне 1928 г. выходит ее книга «Месяц у девиц. Репортаж»⁸⁸, 8 августа 1929 г. выходит из печати «Месяц у мужчин», в 1930 г. «Любовь в тюрьмах. Репортаж»⁸⁹ и книга о Жорже Дельтее⁹⁰, в сентябре 1931 г. очерк «Месяц в базарном зверинце»⁹¹, а в январе 1934 г. «Месяц у депутатов, произвольный репортаж»⁹². Из этих книг лишь репортаж с Афона был вновь переиздан уже через год⁹³ вопреки всем надеждам Зайцева «устыдить писательницу». Книге была суждена долгая судьба – в 1963 г., при жизни автора, она вышла вновь, на этот раз в английском переводе в Нью-Йорке⁹⁴.

Никаких свидетельств тому, что Мариза Шуази каким-либо образом пыталась отказаться от написанного или препятствовать переизданиям описания своего путешествия на Афон, нам отыскать не удалось, как не пришлось встретить и сколь-либо аргументированного свидетельства тому, что на Афоне она не была. Впрочем, обе «фотографии» Маризы Шуази в Карее, помещенные в ее книге, являются примером очень низкокачественного фотомонтажа⁹⁵.

В том же 1929 году петербургский уроженец Ринальдо Кюфферле, сын итальянского архитектора Пьетро Кюфферле и его русской супруги, берется по совету давнего знакомца и доброжелателя Зайцева Этторе Ло Гатто за перевод трех его книг: «Борю переводят на итальянский, „Анну“, „Афон“⁹⁶ и „Золотой узор“. А по-франц. [узски] „Анну“. Но денег кот нарыдал»⁹⁷, – сообщала Вера Зайцева Вере Буниной в декабре 1929 г. Через пятнадцать лет, в разгар новой войны, планировалось и неосуществившееся издание «Афона» в переводе на французский язык⁹⁸.

⁸⁸ Un mois chez les filles, reportage. Paris, editions Montaigne; 1928. (19 juin.) In-8, 255 p. [Collection du gai savoir. № 9].

⁸⁹ L'amour dans les prisons. Reportage. Montaigne. 1930. 226 p. [Collection du gai savoir. № 10].

⁹⁰ Delteil tout nu. Paris, editions Montaigne; 1930. In-16, 239 p.

⁹¹ Un Mois dans une me ' nagerie foraine. [S. l.], 1931. 18 p. [Extr. de «Gringoire», 4-25 septembre 1931].

⁹² Un mois chez les deputes, reportage fantaisiste. Paris, editions Baudiniere, 1933. (8 janvier 1934.) In-16, 254 p.

⁹³ Un mois chez les hommes. LEF (Les Editions de France). 1931. 230 p.

⁹⁴ A month among the men. Translated from the French «Un Mois Chez Hommes» by Lawrence G. Blochman. New York, Pyramid Books. 1962. 127 p.

⁹⁵ В последующие годы М. Шуази выпустила множество романов и популярных книг самого различного содержания, являлась редактором международного журнала психоанализа «Psyche», выходившего с ноября 1946 г., первоначально под редакцией Максима Клузе («Psyche». Revue internationale de psychanalyse et des sciences de l'homme. Directeur Maxime Clouzet. Paris: [s.n.], 1946–1963.), а так же руководила изданием «Словаря психоанализа» (Dictionnaire de psychanalyse et de psychotechnique, sous la direction de Maryse Choisy. Avec le concours de Char les Baudouin, Dr Andre Berge, Dr Juliette Boutonier... [etc.]. [Extrait de «Psyche»]. (S. l. n. d.). VI-288 p.).

⁹⁶ Zaitsev B. L'Athos. Traduzione dall'originale e introduzione di R. Kufferle. Mi lano, Bietti. 1933. In-16 gr., 256 pp. [Diario di un pellegrinaggio al Monte Athos.] *Id.*: Al monte Athos. Un pellegrinaggio nel cuore spirituale del cristianesimo orto dosso, Muzzio, Padova, 1997, 192 p.

⁹⁷ Письмо В. А. Зайцевой к В. Н. Буниной 16 декабря 1929 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

⁹⁸ «Сейчас пришел Борюшка – продал своего „Глеба“, это у Сорло [т. е. основанном у в 1928 г. Фернаном Сорло издательству „Nouvelles Editions latines“ – А. К.]! И еще хотят купить „Афон“. Очень рада. – Конечно не скоро выйдет, а все же аванс дают. Нам полечче будет», – писала В. А. Зайцева И. А. Бунину 15/28 декабря 1943 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

Б. К. Зайцев. Париж. 1928 г.

Портрет Б. К. Зайцева работы Н. П. Ульянова

Самый успешный образец возрождения русского монашества и монастырей в условиях эмиграции, на возможности и необходимости которого так настаивал Зайцев, являло собою Типографское иноческое братство преподобного Иова Почаевского, основанное знаменитым почаевским типографом и издателем журнала «Русский инок» архимандритом Виталием (Максименко) в селе Ладомирова в межвоенной Чехословакии и широко прославившееся на весь православный мир своей книгоиздательской деятельностью в годы новой мировой войны, когда типография Братства снабжала богослужебной и иной литературой возрождающиеся храмы и общины на значительных территориях России, оккупированных войсками Германии и ее союзников. В пасхальные дни 1931 г. Пантелеимонов монастырь на Афонской Горе посетил прежде здесь подвизавшийся насельник Ладомировского братства игумен Серафим (Иванов). Он отмечал, что из 2000 прежней братии в монастыре осталось около 200 человек, причем 20 из них были выходцами с Карпатской Руси. «Узнав, что я миссионер с Карпат, почти каждый из монахов ревновал внести свою лепту на дело Православной миссии. Один вручал мне заветный крестик с частицами св. мощей; другой брал с божницы дорогую по красоте живописи икону и передавал на благословение; третий, узнав о бедности убранства нашего

храма, снимал из-за постели коврик и дарил мне, с просьбой постилать пред святым престолом; четвертый совал мне в руки книжку, четки, деревянную ложку своей работы и т. п. Весьма утешил нашу обитель Пантелеимоновский иеромонах о. Пинуфрий. Он принес мне собрание камней и священных реликвий из разных мест Палестины и Синая, которые в благолепном ковчеге, снабженные соответствующими надписями и фотографиями, служат ныне украшением нашего миссийного храма»⁹⁹, незнакомый монах подарил с десяток ценных духовных книг. Старец игумен Мисаил «с охотой согласился благословить нашу Миссионерскую обитель во Владимировой на Карпатах благодатным образом Великомученика и Целителя Пантелеимона»¹⁰⁰ и дал на прощание знаменательное напутствие: «Вот ты по милости Владычицы нашей, получил в Ее святом Уделе много духовных сокровищ. Да почиет же с сими святынями на вашей Миссионерской Обители благодать святого Афона; да будет она отныне как бы малым КАРПАТОРУССКИМ АФОНОМ»¹⁰¹. Так живая афонская традиция выходила в мир русских изгнанников.

В течение нескольких предвоенных лет Зайцев продолжал поддерживать переписку с афонскими насельниками, прекратившуюся с началом военных действий в Европе и, по-видимому, не возобновившуюся. Из писем этих были почерпнуты сведения, использованные в очерке «Вновь об Афоне». Много позже Борис Константинович опять вспомнит Святую Гору на страницах газеты «Русская мысль» очерками «Афон» (дневникового цикла «Дни») и «Афон. К тысячелетию его». Отзвук его афонского странствия донесется спустя тридцать семь лет из любимой писателем Италии¹⁰².

⁹⁹ И.[гумен] С.[ерафим Иванов]. На св. Афоне пасхальными днями 1931 года // Православный Русский Календарь на 1932 год. Русская Церковная Типография – Владимирова на Словенску. 1931. С. 55.

¹⁰⁰ Там же. С. 46–47.

¹⁰¹ Там же. С. 55. (Фотоснимки образа св. Пантелеимона и прочих доставленных с Афона святынь помещены на с. 45 и 35).

¹⁰² «Однажды, не так давно, – писал Зайцев в 1964 году, – пришла из Италии книжечка – сборник поэтически-философских „басен“. А втор мне неизвестен был – Джованни Ка виккиоли. Удивила и книжечка – очень умная и тонкая, и письмо. В нем указывал поэт, что перед каждой Пасхой прочитывает несколько страниц из „Афона“ моего (по-итальянски, конечно). Представить себе „современного“ писателя, интересующегося Афоном! Вот, однако, нашелся. Живет около Модены (северн. [ая] Италия, в городке Мирандола, откуда родом был знаменитый гуманист XV века Пико дела Мирандола. Пишет стихи (любит четверостишия, quartine), дальним, одиноким Афоном под Пасху питается... // Я ему, конечно, ответил, поблагодарил» (Зайцев Б. К. Дни. Запись от 13 ноября 1964 г. // Русская мысль, № 2244, 17 декабря 1964). Вероятно автор послал Зайцеву один из двух своих поздних сборников: *Cavicchioli G.* (1894–1964). «Favole» (Capri, 1951) или «Nuove favole» (Padova, 1960).

Б. К. Зайцев. Портрет работы К. Юона

Зайцев будет деятельно участвовать в сборе средств для поддержания русских обителей Святой Горы, рассылая призывы о помощи и ближайшим сотоварищам по литературному

труду, и различным организациям русского рассеяния¹⁰³. Когда в 1937 г. афонское «Братство Русских обителей (келлий) во имя Царицы Небесной»¹⁰⁴ обратится с призывом о помощи к православным русским изгнанникам, Борис Константинович примет на себя труд по рассылке этого обращения во многие страны, где проживали его соотечественники.

Возможно тогда же, вступив в переписку с братией Типографского монашеского братства преп. Иова Почаевского в Ладомировой, Зайцев заинтересовался историей Успенской Почаевской Лавры на Волыни, в пределах Польской республики. Во всяком случае, живший в Польше Мечислав Альбинович Буйневич, супруг его сестры Татьяны Константиновны¹⁰⁵, настойчиво приглашал писателя посетить Почаевскую Лавру и сделать ее следующим объектом свидетельства о русских монастырях в свободном мире¹⁰⁶.

Примерно тогда же Зайцев поведал еще об одном творческом плане в интервью, данном журналисту В. Н. Унковскому для харбинского еженедельника «Рубеж»: «У меня большое желание, я очень увлечен мечтой, – поехать в Палестину, чтобы написать книгу о Святой Земле. Меня манит эта мечта, как призывный огонек. Реальных оснований для осуществления пока мало, но надеяться не возбраняется... Я бы хотел пройти всюду по следам Христа и пережить вновь евангельскую историю. Если я осуществлю поездку, то напишу книгу на манер моих впечатлений об Афоне»¹⁰⁷. Это намерение Борису Константиновичу осуществить не пришлось.

В конце жизни Зайцев так определил место «Афона» в своем творчестве: «жанры биографические и агиографические – „Сергий Радонежский“, „Афон“, „Валаам“ – второстепенные вещи. Правда, „Валаам“ и „Афон“ только частично можно назвать агиографическими, но имеют отношение к религии, тесно связаны с ней. Но это все-таки на втором плане»¹⁰⁸.

В отличие от самого Бориса Константиновича, автор завершенной в сентябре 1929 г. брошюры «Страстные и светлые дни на Афоне» А. В. Болотов, жительствовавший в румынском городе Сибиу, полагал, что «после очаровательной книжки Б. К. Зайцева, где в общем чрезвычайно верно схвачена сущность Афона, всякая попытка возвращаться к описанию Св. Горы может показаться или дерзкой, или совершенно ненужной, но, во-первых, сама тема неисчерпаема, а во-вторых, хотя лишь два года прошло с посещения Зайцевым Св. Горы, но уже многое на ней изменилось и изменилось к худшему»¹⁰⁹.

¹⁰³ Приводим здесь иллюстрацию – письмо Зайцева И. С. Шмелеву от 4 февраля 1929 г. по поводу посылки денег на Святу Гору председателю Братства русских келлий о. Савве (Частное собрание). (см. с. 65).

¹⁰⁴ Эти «Афонские воззвания» обителей Воздвижения Креста Господня, Благовещения, Вознесения Господня и Св. Иоанна Златоуста были помещены в Православном русском календаре, издававшемся Русским типографским монашеским братством в Ладомировой в Чехословакии, а также отпечатаны отдельной брошюрой, экземпляры которой Зайцев рассылал различным русским организациям и частным лицам.

¹⁰⁵ В 1932 г. Зайцев опубликовал в «Возрождении» (28 августа, с. 3 и 11 сентября, с. 3) два очерка «Сен-Жермер де Фли», посвященных русской обители во имя иконы Богородицы «Нечаянная Радость» и детской школе при ней, которые были основаны монахиней Евгенией (Е. К. Митрофановой) и размещались в это время в одном из зданий средневекового католического аббатства неподалеку от г. Бовэ. Т. К. Буйневич была воспитательницей в этой школе. Рассказывая о новой обители и ее жизни, писатель, опять-таки, избегал какой-либо критики. По словам Н. Б. Зайцевой, так же посещавшей свою тетку, детище игумении Евгении производило крайне удручающее впечатление своей неустроенностью, сыростью и обилием крыс, тревоживших сон детей и воспитателей. В этой обители Зайцев познакомился с выселенным с о. Валаам приверженцем старого календарного стиля иеромонахом Варсонофием (Толстухиным), рекомендовавшим ему написать о русском монашестве о. Валаам.

¹⁰⁶ Письма М. А. Буйневича Б. К. Зайцеву (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

¹⁰⁷ Цитируется по фрагменту вырезки из текста второго интервью, данного Б. К. Зайцевым В. Унковскому осенью 193? г. Источник публикации нам неизвестен. Публикация, подготовленная В. Унковским по материалам первого интервью, данного Б. К. Зайцевым за три дня до венчания его дочери Наталии с А. В. Соллогубом, совершившегося 6 марта 1932 г. в Соборе Святого Александра Невского на улице Дарю в Париже, была иллюстрирована фотопортретами Зайцева и его супруги (*Унковский В. У Бориса Зайцева. Над чем работает теперь наш талантливый писатель? От парижского корреспондента «Рубежа» // Рубеж, Харбин, № 16, 1932, с. 3–4*).

¹⁰⁸ Крыжицкий С. Разговоры с Борисом Зайцевым // Новый журнал, № 150, Нью-Йорк, 1983, с. 195.

¹⁰⁹ Болотов А. В. Страстные и светлые дни на Афоне. Варшава: «Добро», 1929, с. 5.

Слева направо: Татьяна Константиновна Зайцева-Буйневич, ее муж Мечислав Альбинович Буйневич, Алексей Смирнов, Юрий Буйневич (растерзан толпой в Петрограде перед входом в казармы, где нес дежурство 27 февраля 1917 г.), Надежда Константиновна Зайцева-Донзель, справа стоит мать Б. К. Зайцева Татьяна Васильевна. В столовой дома в имении Притыкино

Через много лет после выхода в свет книги «Афон» прот. В. В. Зеньковский, рассуждая о творчестве Зайцева, коснется тех его особенностей, которые, быть может, отчасти объясняют такое отношение самого автора к своим писаниям «биографическим и агиографическим»: «в Зайцеве, в его творчестве со всей силой обнажается раздвоение Церкви и культуры. И оттого он, любя Церковь, *боится в ней утонуть*, боится отдаться ей безраздельно, ибо *боится растерять себя в ней*. Это не есть личный дефект Зайцева; наоборот, в упомянутом возвращении интеллигенции в Церковь он сильнее и прямее, можно сказать – мужественнее других. Но в Церкви он ищет прежде всего ее *человеческую* сторону – тут ему все яснее и дороже. Особенно это чувствуется в двух его замечательных книгах об Афоне и о Валаамском монастыре: все время при чтении этих книг ощущаешь, как Зайцев дорожит прежде всего своими „художественными переживаниями“. Он знает, что здесь с наибольшей силой бьется пульс „богочеловеческого бытия“, – но он „почтительно“ останавливается на пороге. Это точные слова Зайцева – то он строит „почтительные предположения“ о святыне (Афон), то он застывает в „почтительном благоговении“ (Валаам), т. е. непременно хочет, чтобы быть и близко, но не слишком близко к тайне. *Дальше он не рискует идти!* Вероятно, именно художник противится в нем тому, чтобы идти дальше, – а потерять в себе художника Зайцев и в Церкви не хочет. Отсюда эта *нота незаконченности*, которая чувствуется всюду в религиозных писаниях его... Вот на Афоне он расслышал „звук величайшей мировой нежности“, – что делает честь тонкости восприятия у Зайцева. Но на Афоне слышится ведь не один только „звук“ этой „мировой нежности“: вся его „суть“ заполнена, можно сказать, – насыщена этой „мировой нежностью“, как впрочем это можно сказать и о всяком монастыре, о всяком храме. А еще дальше с большой любовью говорит Зайцев о „*белой песне славословия*“ („Слава в выш-

них Богу...“), – и все он любит, все восхищается, а себя все же не теряет – и *оттого до конца и не вмещает в своем творчестве* того, что „означает“ и „белая песнь славословия“, и „звук величайшей мировой нежности“»¹¹⁰...

Современный исследователь А. М. Любомудров весьма суров к писателю: «Зайцев все время старается не перейти грань, сводит к минимуму описания собственно литургических аспектов, приравнивая к уровню „мирского“ читателя. Отсюда такие фразы, неуместные для паломника, как „мы *разглядывали* крещальный фиал (курсив мой – А. Л.)“; а в строке „мы проходили подлинно „по святым местам““ кавычки подчеркивают отстраненную позицию человека по отношению к святыням. Зайцев воссоздает взгляд не паломника, а вполне светского „туриста“, когда в одном ряду могут находиться и „святые“ и „ювелиры“. Конечно, после литургии у православного человека не „туман в голове“, и с молитвой перед мощами святых связаны совсем иные переживания. Но их нет в книге: Зайцев не хочет ничего говорить о сокровенном, внутреннем опыте, который чужд секулярному читателю. Очевидно, поэтому даже такие важнейшие христианские понятия, как *святость* и *благодать*, практически не встречаются на страницах „Афона“»¹¹¹.

¹¹⁰ Зеньковский В. В., прот. Религиозные темы в творчестве Б. К. Зайцева (К пяти десятилетиям литературной деятельности) // ВРСХД, № I, 1952, с. 22.

¹¹¹ Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья. Борис Зайцев. Иван Шмелев. СПб., 2003. С. 77. «Афону» посвящены также С. 73–80, 89–92.

4 февр. 1929.

Дорогой Ишакъ Сер-
гѣевичъ, хотѣлъ адрес-
овать отъправку денегъ
на Афонъ:

Grèce, A. Mont-Athos. Karia
Au reverend Prêtre moine
Père Savaas, Président de
la Fraternité de Cellules
Russes.

Думалъ только, что нахо-
дился въ обратномъ по-
рядкѣ, т. е. сначала кому
а потомъ уже куда.
Проще! Вашъ Бор. Зайцевъ

Письмо Б. К. Зайцева И. С. Шмелеву от 4 февраля 1929 г. (Частное собрание)

В самом деле, Зайцев не предписывает своему читателю «разглядывать» или «благого-вейно созерцать» (с чего бы?) крещальный фиал, и никакие кавычки здесь не подчеркивают отстраненности от святыни автора, который уже несколько лет живет в повседневном обще-нии с русской колонией французской столицы, где будущие святые и ювелиры (как пантелеи-моновский игумен Иустин Соломатин!), аскеты и бродяги, иконописцы и таксисты, регенты и собачьи парикмахеры каждый день встречают друг друга в русских лавках и русских биб-лиотеках, в кабинетах неофициально практикующих русских докторов и в своих приход-ских русских храмах. В непривычно трудных, иногда почти невыносимых условиях они оста-

ются людьми свободными, часто не потерявшими веру и сохранившими живую душу именно потому, что отказались принять отмеренные кем-то «пайки» святости, благодати и любви к Отечеству.

Ощущение же святости и благодати настолько пронизывает читающего книгу Зайцева, что даже тень сомнения в присутствии их на страницах этого повествования заставляет лишь недоумевать.

Знакомство с афонскими впечатлениями Зайцева дает удачную возможность уяснить, что Святая Гора едва ли станет ближе и понятнее для человека, подходящего к Афону с заготовленными мерками ощущений и чувств. Непонятой, возможно, останется и книга о ней Бориса Зайцева, приехавшего на Святую Гору с искренним намерением именно *разглядеть* и *расслышать* невидимое и неслышное извне, чему свидетельством – оставленные им тексты...

Ф. А. Степун присоединялся к мнению Зеньковского: «В нем две души: поклонник древней Эллады, он одновременно и исповедник византийского православия. Это творческое единодушие отнюдь не означает мирозерцательного двоедушия [...] Зайцев действительно принес на Афон смиренную готовность принять, не рассуждая, открывшийся ему особый мир, но в то же время и зоркий взгляд, изощренный только что проплывшим перед ним волнующим образом Эллады и опытом давних итальянских странствий. [...] До чего глубоко жило в Зайцеве это чувство свободы, доказывается тем, что свой „Афон“, с его широко открытым видом на древнюю Элладу, он писал после работы над житием Сергея Радонежского»¹¹². «Это не могло быть написано в советских условиях, и, значит, это оправдывает долголетний отрыв от родной земли»¹¹³, – писал о книгах Зайцева близко знавший его журналист Яков Цвибак.

Возможно, Борис Константинович справедливо не относил книгу о Святой Горе к числу своих литературных достижений. Однако, может быть, именно ответственное стремление автора сказать современникам об увиденном, зафиксировать для будущего правду о современном ему состоянии русского монашества на одном из немногих сохранившихся островков традиционного русского мира понуждает Зайцева, который шел по литературному пути «с упорством верующего и мудреца»¹¹⁴, постоянно останавливаться, сдерживаться, не строить предположений, но лишь фиксировать, документально свидетельствовать увиденное.

Художественным самоограничением, сознательно налагаемым, автор лишь подчеркивает «достоинства сана и ответственности возложенного на себя служения, подвижнического дела православного интеллигента-писателя»¹¹⁵. «Путешественник должен уметь видеть, уметь заключать: в этом главное его достоинство., – полагал Г. В. Адамович. – Если же при этом он художник, то дарование его скажется в способности уловить и передать дух, склад, внутренний строй местности или страны. Художник – тот, кто заставляет нас быть там, где мы не были. Путевой дневник – лишь в том случае произведение искусства, если, закрыв книгу, мы знаем, чувствуем описанный в ней край, как будто только что вернулись из поездки»¹¹⁶.

Описание этого путешествия останется одним из наиболее ярких и не теряющих свежести свидетельств о жизни русской части Афона в те совсем близкие к нам годы, когда связь

¹¹² Степун Ф. А. Встречи. Мюнхен, 1962. С. 130.

¹¹³ Андрей Седых. Б. К. Зайцев // Новое Русское слово, 14 февраля 1971 г., с. 5. «Над всем его творчеством был разлит какой-то прозрачный вечерний свет, отмечено оно глубоким христианским смирением и мудростью. Это прошло через все его книги – не только „Валаам“ или „Афон“, – писал Я. Цвибак год спустя по случаю кончины Зайцева (Андрей Седых. Памяти Б. К. Зайцева // Новое Русское слово, № 22513, 2 февраля 1972 г.).

¹¹⁴ Мих. Ос. [М. А. Ильин-Осоргин]. Борис Зайцев. Улица св. Николая. Изд. «Слово». Берлин, 1923 (144 стр.) // Современные записки, 1924, № XVIII, с. 434.

¹¹⁵ Солнцев К. Разговор Б. К. Зайцева с его читателями // Новое Русское слово, № 17506, 12 февраля 1961 г., с. 4.

¹¹⁶ Адамович Г. В. Валаам // Последние новости, 15 октября 1936 г.

с ним из России пресеклась совершенно. Останется живым свидетельством, и ныне погружающим в ни с чем не сравнимый мир Святой Горы всякого, кто стремится к этому миру прикоснуться.

Александр Клементьев

Источники публикации

В настоящую книгу вошли почти все известные нам тексты Б. К. Зайцева, посвященные его поездке на Святую гору Афон, а также фотографические материалы, происходящие из различных источников:

1. На Афон. Записи. [29 апреля – 13 мая 1927 г.]. Публикуется впервые по автографу. Записная книжка в твердом тканевом переплете светло-серого цвета. Постраничная пагинация: II+73+III с. (39 л.). Частное собрание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.